

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ

ТРОН САТАНЫ

Роман

Часть первая

1

Праздные обитатели городского пляжа стали к вечеру торопливо расходиться, и голоса мальчишек, гонявших на поляне футбольный мячик, слышались теперь отчетливо.

Но что было до детей им, укрывшимся от чужих глаз в тихой бухточке, обросшей плотным кустарником? Это было их место, место ими открытое, облюбванное, полюбившееся, ибо только случайный прохожий мог обнаружить их здесь, на чистой песчаной отмели, омываемой прохладными водами древнего Иртыша.

Сауле протянула руку, и нежная ладонь коснулась Абылая. Он пожал в ответ влажные пальцы девушки. Разомлевшие под лучами солнца, клонившиеся к горизонту, влюбленные блаженствовали, наслаждались одиночеством, свободой, покоем.

Она открыла глаза – ясное небо уходило в бесконечность, и девушка, как бы испугавшись этой бездонной синевы, повернулась к Абылаю, прижалась теснее...

– Я соскучилась по тебе, Абылай. Очень соскучилась.

Абылай провел ладонью по ее упругим бедрам, искоса глянул на Сауле – она поспешно, но мягко отстранила руку парня.

«Бесконечно могла бы так лежать, – подумала она. – Но Абылай... Абылай не вытерпит... А я бы так лежала, просто лежала... Лежала... Лежала... Прижавшись... Так просто... Видела бы сейчас меня мама... О боже!..»

Она усмехнулась и снова закрыла глаза.

– Ты чего? – спросил Абылай. – Чего смеешься?

– Так... Просто... – ответила Сауле.

– Скажи...

– Не всё можно говорить...

– А ведь обещала, что никогда, ничего не станешь от меня скрывать...

Сауле дернулась, привстала, но Абылай спокойно лежал с закрытыми глазами, и она вновь опустилась на песок, досадуя, что чуть было не выдала себя.

– Так, просто, – повторила она. – Представляю, что бы сделала мама, если б увидела, как мы тут... с тобой...

– Ничего бы не сделала. Думаю, обрадовалась бы...

– Боюсь, как бы у нее сердце от такой радости не лопнуло, – горько усмехнулась Сауле.

«Обещала... Никогда... Ничего... – звучал в ее ушах голос Абылая. – Но как сказать это? Какими словами? Оправдываться? Нет, нет... Лучше уйти... умереть...»

Ей хотелось заплакать, но она усилием воли подавила свою слабость.

«Не сегодня... потом... Не сегодня... Скажу... Потом...»

С ужасом думала она, что теперь ей ни за что не сохранить своей тайны. Не сегодня, так завтра, послезавтра, через неделю, месяц, год – всё равно когда-нибудь это откроется...

«После... потом...» – утешала она себя, твердо решив, что завтра же во всем сознается Абылай. И одновременно тоскливо понимала, что первый ее враг – она сама, что она сама погубит себя, погубит своей честностью, жаждой справедливости, тем, что не может утаить это злое, злое... мерзкое...

– Ты похудел, – сказала Сауле. – Мускулы у тебя какие крепкие...

– Поднабрался силенок, – засмеялся Абылай.

– На следующий год снова поедешь в стройотряд?

– Обязательно...

– Возьми меня с собой...

– Но у тебя же практика?..

– Я не могу без тебя, сердце мое...

Щеки Сауле вспыхнули. «Какие волшебные слова – сердце, сердце мое». Она произнесла их первый раз в жизни...

– «Абылай, ты соображаешь или нет? Как она будет работать в этом вашем отряде? Думаешь, легко девушке таскать кирпичи? Да она заболеть может. Или умереть... И думать не думайте о такой глупости! Никуда она не поедет!..» – заговорил Абылай, комически передразнивая речь матери Сауле.

Сауле засмеялась и взъерошила парню волосы. Она нисколько не обиделась, напротив, ее всегда смешило, как точно Абылай умеет передать интонации материнского голоса.

– Если мама узнает, что ты ее дразнишь, она тебя на порог не пустит. И меня на замок закроет. Понял? – Откинув густые волосы, закрывавшие ее лицо, Сауле с улыбкой глядела на парня.

– А мы к этому замочку ключик подберем, – лукаво отозвался Абылай.

Сауле снова засмеялась и спросила, приподнявшись:

– Ты проголодался?

– А ты?

– Проголодалась.

– Тогда и я проголодался.

Он блаженно потянулся. Сумка с провизией была возле красного мотоцикла «Ява», который Абылай прислонил к двум высоким сросшимся тополям. Там же валялась их одежда – куртки, джинсы. Сауле расстелила газету, достала огурцы и помидоры, нарезала колбасы.

– Обед готов, о повелитель мой!

Припав на колено, она смиренно склонила голову. Абылай, не выдержав, поймал девушку за тонкую гибкую талию и, прижав к себе, почувствовал тепло ее чистых, невинных губ. Но она всё смеялась и смеялась. Казалось, она создана для того, чтоб ее нежный переливчатый смех всегда звучал, давая свет и радость миру.

– Красавица, я хочу, чтобы аромат твоих благоухающих пальцев навечно остался в памяти твоего повелителя!

Абылай тоже включился в игру, хотя легкая дрожь в голосе выдавала его смятение.

– Слушаюсь и повинуюсь!.. – Сауле выбрала самый большой помидор.

– Нет, – заупрямился Абылай. – Я винограда хочу...

Сауле взяла виноградную гроздь и, отрывая по ягодке, стала кормить Абылая.

– Ай! – вдруг вскрикнула она, почувствовав, как Абылай осторожно прикусил ей палец.

– Твои пальцы вкуснее винограда! Приди в мои объятия, о красавица!

– Воля ваша, повелитель мой!..

Сауле положила голову ему на грудь и тихо засмеялась. «Сердце, сердце мое, – млея от радости, повторяла она про себя. – Сердце... Сердце...»

Он взял ее пылающее лицо в свои ладони.

– В твоих глазах я вижу себя, – сказал он. – В твоих глубоких, ясных глазах...

– И я вижу себя в твоих глазах. Ты скучал без меня?

– Да. Очень.

– И я скучала...

– Милая моя, – еле слышно произнес Абылай.

Обхватив руками колени, они молча смотрели на реку, на другой ее берег. По реке шли быстрые лодки. Тяжелые и сильные волны стремительно набежали друг на друга, шумно ударялись о берег и тихо гасли, умирая в песке. Слышался надсадный гул самолетов, взлетающих с бетонной полосы аэродрома, расположенного неподалеку. Казалось, огромные стальные птицы, расправив крылья, парят над городом, над Иртышом, но мгновение – и они, устремившись в небо, тут же исчезают за горизонтом, и только этот гул, этот медленный рокот еще долго держится в опустевшем небе. А вот взлетел маленький верткий Ан-2, букашка с двойными крыльями, и Абылай тут же вспомнил Омара, его веселое лицо, улыбающиеся карие глаза, всю его крепкую, ладную фигуру.

И так всегда. Стоит Абылаю увидеть Ан-2, как тут же в его сознании возникает Омар, дорогой, любимый, навеки утраченный... Веселое лицо, улыбающиеся карие глаза... Самый дорогой, самый близкий... Каждый раз при виде самолета Абылай как бы заново переживал всю горечь утраты. Честность, ум, доброта – как редко эти качества сочетаются в одном человеке! С тех пор, как сестра Абылая Баян после гибели Омара, своего мужа, возвратилась из Целинограда домой в Семипалатинск, брат делил с ней горе, пытался хоть чем-нибудь помочь, облегчить ее тяжелую сумрачную вдовью печаль. А ведь тогда, в Целинограде, он, обидевшись на Баян, в один день собрался и улетел в Семипалатинск, так и не успев попрощаться с Омаром. «Брось, не дури, Омар расстроится, что я тебя отпустила», – говорила тогда Баян, но он, мальчишка, был непреклонен, и она своим женским чутьем точно уловила причину его столь яростной и горячей обиды. Но не стала расспрашивать ни о чем. Ни тогда, ни позже. Она, конечно же, знала, что он обиделся за Омара, но они никогда об этом не говорили. И теперь не станут. Но то сомнение, которое в нем тогда поселилось, всю жизнь будет с ним. Женщины... Кто вас поймет?

Абылай бросил короткий взгляд на Сауле. Розовое ее лицо вдруг показалось ему усталым. Закусив губу, она напряженно смотрела вдаль, и веселые ее глаза потускнели.

«Сауле – вот кто никогда не позволит мне сомневаться, – подумал он. – Сауле – другая. Сауле – особенная. Она чиста, как совесть. Она никогда не предаст...»

– Эй, что с тобой? – окликнул он девушку, коснувшись ее плеча. Сауле вздрогнула от его прикосновения и тут же, удивившись своему испугу, вопросительно посмотрела на Абылая. Абылай молчал, и она, так же молча улыбаясь, обняла его.

На противоположном берегу появилась ватага ребятишек, они с визгом попрыгали в воду.

– Давай искупнемся? – предложил Абылай.

– Давай, – согласилась Сауле.

Абылай нырнул и выплыл уже далеко от берега.

– Не бойся! – крикнул он Сауле, осторожно ступавшей в воду.

Сауле доплыла до Абылая и легла на спину.

– Здорово! – сказала Сауле. – Вода – прелесть. Как парное молоко.

– Я целых два месяца не видел Иртыша. Вы-то, наверное, каждый день купались? Ты часто сюда приходила?

Сауле сделала вид, что не слышит. «Как сказать? Что сказать?..» Ей показалось, что не только лицо – всё ее тело горит, и она погрузилась в воду, глубоко, пока хватало дыхания.

А когда вынырнула, увидела, что течение далеко отнесло ее от Абылая, который, раскинув руки, всё еще безмятежно покачивался на поверхности под этим синим-синим, чистым, без единого облачка небом.

Сколько было таких же, как это небо, чистых, безоблачных, счастливых дней? Сколько было и сколько еще могло быть! Но всё это стинуло в один вечер, и теперь Сауле суждено вечно всего бояться, вечно быть в тревоге. Она сама тогда остановила Абылая... Зачем? Уж лучше бы всё было так, как он тогда хотел...

...В ту ночь все они, только что закончившие школу, пришли сюда, на берег Иртыша. Пришли в последний раз – ведь выпускные экзамены были позади, и теперь для них начиналась новая неведомая жизнь. Вчерашние школьники, они играли, дурачились, жгли костры, пели песни, читали стихи.

Абылаю и Сауле вдруг наскучила веселая компания, и они, отстав, ушли в сторону, туда, в ночную тишину отмели, где их тени колебались в лунном свете и загадочно мерцала иртышская вода.

«Искупаемся?»

«Вода холодная...»

«Ночью вода всегда теплая...»

«Я без купальника...»

Абылай, скинув рубашку и брюки, бросился в реку. Выплыв на середину, он оглянулся. Обнаженная Сауле, вся облитая лунным сиянием, осторожно ступала в воду. Заметив, что Абылай смотрит на нее, она присела на корточки и поплыла.

«Только ты не смотри на меня, когда будем выходить».

«Почему?»

«Не смотри и всё!»

«Ерунда».

Прижимая к себе ее нежное тело, он вынес ее на берег. Упругие груди, прямые полные ноги, руки, доверчиво обвивающие его крепкую шею, – цветущая юная красота... Сауле вырвалась и побежала. Абылай, радостно смеясь, пустился за ней вдогонку. Он настиг ее, она вырвалась, поймал за руку – снова вырвалась, и они упали в мягкий, еще не остывший песок.

Из леса как будто дохнуло теплом, и Абылай склонился над девушкой. Поцелуй... Долгий, волшебный, умопомрачительный...

«Нет, нет, Абылай...»

«Сауле!»

«Не надо! Абылай, не надо!..» – Сауле оттолкнула парня, и тот в смущении и печали остался стоять перед ней на коленях.

«Сауле!..»

«После... Потом... – отозвалась Сауле дрожащим голосом. – Я сама к тебе приду... в белом платье и фате...» Она порывисто обняла Абылая.

Девушки верят в свою сладостную мечту. Сауле и Абылая заставила поверить. Юный, неопытный, удивленный, он смотрел на нее во все глаза, и его колотил озноб.

«Прости меня», – наконец сказал он.

«Глупенький мой, это ты меня прости», – сказала Сауле.

– Сауле, нам домой пора! – Возглас Абылая прервал ее воспоминания.

– Хорошо, – отозвалась Сауле, и они наперегонки поплыли к берегу.
– Ты такой черный, разве можно на солнце работать без рубашки? – сказала Сауле, одеваясь.

– Можно и нужно.

– Нужно? Прости, ты какую отметку получил по технике безопасности?..

– Тройку. А точнее – тройку с минусом...

– Тогда всё понятно, – засмеялась Сауле, и Абылай слегка обиделся.

– Поставить бы того, кто придумал эти правила, в сорокаградусную жару, без навеса, глину месить... Я бы посмотрел на него! Он бы не только рубашку, он бы и всё остальное скинул...

– Абылай! – Сауле укоризненно покачала головой.

– Прости, – смутился Абылай.

Он завел мотоцикл, и Сауле, прижавшись к нему, уткнулась в его горячую спину.

Не сбавляя скорости, он въехал во двор и резко затормозил у первого подъезда.

– Абылай! Абылай приехал! – восторженно загалдели мальчишки, спеша со всех сторон к мотоциклу.

На балконе появилась мать Сауле.

– Ох, не доведет тебя до добра этот мотоцикл, Абылай! Почему б тебе не ездить потише? Ведь двор полон детей, – ворчливо сказала она вместо приветствия и скрылась в глубине квартиры.

– Ну, теперь тебе влетит! – сокрушенно сказал Абылай.

– Ничего, поворчит и перестанет. Она добрая... – подмигнула Сауле.

– Значит, встречаемся в семь?

– Абылай, может, не пойдем? Может, просто погуляем? – Сауле выжидающе глядела на Абылая.

– Рад бы, но не могу. Ребята обидятся...

– И всё-таки, может, передумаешь? Мне так хочется побыть с тобой вдвоем...

– Не могу, я обещал, – серьезно ответил Абылай.

– Ну, чао! До встречи!

– Чао! – тихо повторила Сауле. – Подожди, я сейчас выйду на балкон, тогда поедешь...

Она скрылась в подъезде, и Абылай услышал торопливый цокот ее каблучков. Кто-то тронул его за плечо:

– Эй, Абылай, привет!

Он оглянулся. Это был Салим с четвертого курса.

– Привет! – Абылай протянул ему руку.

– Когда приехал? – спросил Салим, поправив галстук и смахнув с рукава своего отутюженного пиджака невидимую пылинку.

– Вчера ночью.

– Весь отряд вернулся?

– Нет, отряд остался, а я дезертировал, – невинно глядя на него, сообщил Абылай.

– Ладно, кончай чепуху молоть, – обиделся Салим и опять занялся своим костюмом. Этот тщедушный, аккуратный до педантизма парень не нравился Абылаю.

– Вечно у тебя эти... хохмочки...

– А ты что, беглецом меня считаешь?

– Нет, – опешил Салим. – Почему?..

– Тогда зачем спрашиваешь?.. Конечно же, все вместе вернулись, закончили и вернулись. План – в полном порядке.

– Я потому спросил, что комитет комсомола еще не знает о вашем возвращении, – начал оправдываться Салим.

– Достаточно и того, что областной штаб стройотрядов в курсе...

– Ты не прав. Вы и нас должны были поставить в известность, – заупрямился Салим.

– Ладно, поставим... – ответил Абылай. – Ты лучше скажи, чем сам-то всё лето занимался? Какие у тебя достижения?

– Да так, всё текучка, текучка... – Салим вздохнул. – Обыкновенная комсомольская работа. Ты ведь знаешь, какой в этом году конкурс был? Четырнадцать человек на одно место...

– Значит, успел с какой-нибудь новенькой познакомиться, а? – Абылай подмигнул Салиму.

– Скажешь тоже! – покраснел Салим. – Говорю тебе, дел было невпроворот. Вот сейчас первый курс отправляем на сельхозработы...

На балкон вышла Сауле.

– Абылай, до вечера! – помахала она рукой, и Абылай, не простившись с Салимом, резко взял с места и уехал.

– Привет, Сауле! – сказал Салим, заслонившись рукой от солнца.

– Привет, Салим, – отозвалась Сауле.

– Хочешь в теннис поиграть? Спускайся!

– Мне некогда. Спасибо...

Сауле ушла, оставив балконную дверь открытой, и Салим долго глядел, как колеблется от легкого ветра штора на ее окошке.

2

Выходя из ванной, Абылай нос к носу столкнулся с отцом.

– Вы, оказывается, дома, папа? – удивился он.

– Дома, как видишь, – сказал Ескендир.

– А я не заметил...

– Всё носишься сломя голову, – улыбнулся отец и, присмотревшись к нему, добавил: – Ты за это лето здорово подрос.

– Кажется, вас наконец-то догнал...

– Ну-ка, ну-ка... – Он подошел к сыну и провел ладонью по его голове. – Точно... Да ты, никак, выше меня...

– Помните, как бабушка говорила: «Молодые вырастут, бедняки разбогатеют...»?

– Да, бабушка знала меткое словцо, – вздохнул Ескендир и предложил: – Ну, стройотряд, давай чай пить...

– Я не могу, папа, мы идем в ресторан.

– В ресторан... – огорчился Ескендир.

– На банкет по случаю окончания трудового семестра. Короче, весь наш отряд собирается...

– Понятно, – задумавшись, отозвался Ескендир. – А когда у вас начинаются занятия?

– С пятнадцатого сентября.

– И что ты собираешься до этого делать?

– Читать. Купаться. Гулять.

– Ну да, тебе действительно нужно отдохнуть, всё лето трудился, – проормотал Ескендир и подошел к окну.

Он закурил и посмотрел во двор. Большой круглый стол под яблоней, пять разноцветных скамеек. И этот стол, и эти скамейки Ескендир сделал своими руками – он любил столярничать на досуге. Красная скамейка... Лучи уже почти закатившегося солнца ярко высвечивали ее, и она рельефно выделялась среди зеленой сочной травы. Красная скамейка, красная скамейка...

– Папа, а где утюг? – услышал он голос сына.

– На месте.

– Нет его на месте...

– Ну, тогда посмотри в комнате Баян...

Красная скамейка... Именно на ней любила сидеть Макпал, мать Ескендира, бабушка Абылая и Баян...

– С тех пор, как приехала Баян, ничего в доме нельзя найти, все вещи свои места поменяли, – донесся до него недовольный голос Абылая, но Ескендир уже не слышал сына.

Он вспоминал.

...Накормив всю семью, мать выходила во двор, садилась на скамейку и молчала в одиночестве. Старые морщинистые руки лежали на коленях, и Ескендир до сих пор не знал, о чем она думала, сидя на этой красной скамейке и вглядываясь в темнеющее небо.

Да, он многого не знал. Но в одном был уверен – лишь заботливое сердце матери было вечной опорой его беспокойной жизни, лишь когда она была жива, он не боялся никаких трудностей. С детьми, например, или с женой... Ведь Айша... Айша – несчастный, больной человек, и мать опекала ее, старалась связать рвущиеся нити, сохранить дом, семейный очаг, не дать случайным обстоятельствам в один миг разрушить всё то, что создавалось годами. Но разве человек не становится рабом жизни-мельницы и не крутится вместе с ней до тех пор, пока не придет и его черед? Вот и мать умерла прошлой осенью, и опустела скамейка, и в доме стало тревожно. В этом году, когда Абылай, работая во дворе, подновлял грядки, белил известью крепкие стволы груш и яблонь, он заново выкрасил красной краской и скамейку бабушки Макпал.

«Пусть всё будет как было при бабушке», – сказал он.

Растроганный Ескендир обнял тогда сына.

«Молодец! Ваша бабушка была особенным человеком. Как бы я вас без нее вырастил?»

Теперь Ескендиру стало казаться, что он мало думал о матери, пока она была жива... То есть думал, конечно, но как-то не так... как-то... В заботах, в хлопотах всё. Суета. Дела. Быт... Некогда задуматься, некогда подойти к матери, сесть у ее ног, обнять ее колени и спросить. О чем угодно спросить...

«Я многому не придавал значения. Это верно... А ведь она молитвами жила... О единственном сыне, о внуках, а сколько бессонных ночей она провела из-за Айши, как плакала, жалея ее...»

...Красная скамейка... Усталая тихая мать, глядящая в сгущающуюся вечернюю мглу...

Макпал проснулась от нестерпимой жажды. Распухшим языком облизнула запекшиеся губы и попыталась встать. Ескендир спал на раскладушке, но она не хотела его будить, хотя понимала, что самой ей навряд ли подняться. Когда она зашевелилась, Ескендир окликнул ее:

«Что, апа?»

«Пить...»

«Сейчас».

Ескендир налил воды и, придерживая голову матери, помог ей напиться. Он бережно уложил ее, но она крепко, не отпуская, держала его руку. Худые костлявые пальцы сжимали его запястье.

«Будь мужественным, сын», – сказала она.

Ескендир вскинулся, увидел пожелтевшее лицо матери, увидел, что морщины ее стали глубже, влажные глаза лихорадочно блестели в свете ночника. Она сдерживала слёзы, но весь вид ее выражал спокойствие и тихую печаль.

«Какая ты стойкая, апа, – подумал Ескендир. – В последний миг перед смертью даже мужчина слабеет, в последний миг пора уже говорить с тем миром, чьи двери раскрываются перед тобой, а ты всё еще в делах и заботах, которые оставляешь на земле. Собрав силы, ты пытаешься дать нам последние напутствия и советы. Ты мечешься между двумя мирами, а все мысли твои с нами...»

Лицо Макпал стало холодным и суровым, морщины разгладились, глаза потемнели, и она сказала свистящим прерывистым шепотом:

«Одному Аллаху оставляю теперь заботы о вас. От меня пользы нет. Всё, что могла для вас сделать, сделала, куда смогла вас привести, привела, куда сама смогла дойти, дошла, так что не обижайся на меня, сынок...»

«Апа!..»

«Сообщи Баян... Аллах даст, может, и увижу еще ее. А если нет, береги ее. Она женщина... Она – дочь твоя... Особенно береги... Ведь она не в наш род пошла, а в своих нагашах¹!.. Она будет спотыкаться, но не отворачивайся от нее, не уставай поддерживать мою Баян, мое солнышко... Эх, что может быть тяжелее в этом мире проклятой женской доли», – со стоном выдохнула она. На лбу ее заблестели капли пота.

«Апа...»

«Мужчина оступится – не беда, женщина споткнется – грех. Глупая женщина не только себя – весь очаг погубит...»

«Апа...»

Но и в этот раз Макпал перебила сына, будто спеша высказаться, пока у нее еще есть на это силы:

«Не могу я больше оставаться твоей крепостью, рухнула я... И жена, которая должна была стать опорой семьи, извела тебя, бедный мой, своей болезнью... А я выдохлась... Нет больше у меня сил... Тают мои силы, жизнь моя тает, истекает... О, пусть Аллах благословит вас...»

Она закрыла глаза. Ее лицо стало серым, дыхание прерывистым, но она по-прежнему держала сына за руку. Ескендир долго глядел на нее и, осторожно привстав, свободной рукой раздвинул шторы.

И увидел, что рассвет уже близок, звезды потускнели, светлеет небо на горизонте...

Красная скамейка, красная скамейка... Мог ли он в тот день заметить ее во дворе? А если и заметил, представил бы, что не пройдет и двух лет с той поры, как... И он будет смотреть на нее... Смотреть, вспоминать, думать...

– Папа, я пошел... – Абылай стоял перед ним.

– Что? – Ескендир никак не мог освободиться от нахлынувших воспоминаний.

– Пошел, говорю. Вы чай-то раздумали пить? Смотрите, у вас чайник кипит. – Абылай выключил газ. – До свидания, папа...

– До свидания, сынок. Постарайся не задерживаться.

– Я думаю, часиков в одиннадцать-двенадцать буду дома...

– Договорились... – Ескендир поправил сыну воротник рубашки, сказал укоризненно: – Почему галстук не надел?

– Не люблю я эти галстуки...

– Так нельзя. Иди надень, ты ведь на вечер идешь, и наверняка с девушкой, да?

– Да.

– Тогда тем более... – Ескендир ласково подтолкнул сына.

¹ Родственники по материнской линии.

– Я что-то здорово устал последнее время, – пожаловался он Абылаю, который стоял перед зеркалом, пытаясь завязать модный узел. – Может, съездим на недельку к леснику Ораз-аксакалу? Порыбачим, грибов наберем, ягод, а?..

– Отличная идея! – обрадовался Абылай, который наконец-то справился с непослушным галстуком. – Можно Сауле пригласить?

– Если ее мама разрешит, я не против. Но будь с ее мамой по деликатнее, она может обидеться...

– Я буду деликатен, папа, супер, сверхделикатен, – улыбнулся Абылай.

– Тогда готовьтесь в дорогу, – засмеялся Ескендир. – Послезавтра у меня в суде одно спорное дело, но после обеда я наверняка освобожусь. Эх, если б и Баян могла поехать с нами, тогда совсем было бы хорошо, да?

– Конечно... Ну, я бегу, папа, а то Сауле меня, наверное, заждалась...

– Пригласи ее завтра к нам, я вас чаем хорошим напою. С травками... Мне Ораз лесных травок послал!.. – крикнул Ескендир сыну вдогонку.

– Хорошо, папа. Обязательно!

Ескендиру не хотелось ужинать в одиночестве, и он набрал номер Баян, работавшей в областной газете.

– Да, папа...

– Доченька, ты скоро дома будешь?

– Не знаю. Я сегодня дежурю. Я вам утром говорила.

– Помню, говорила, – замялся Ескендир. – Но когда ты все-таки закончишь дежурство?

– Я жду четвертую полосу. А что, Абылая нет дома?

– Нету, – вздохнул Ескендир. – Он на встречу со своим отрядом пошел...

– И вы скучаете, да? – засмеялась Баян.

– Есть маленько, – признался Ескендир. – Что-то голова у меня сегодня разболелась. Ну, хорошо, я жду тебя...

Он положил трубку и прилег на диван, но спать не хотелось, тем более что и головная боль никак не отпускала. Он взял с полки недочитанный том Хемингуэя и раскрыл его.

«...Человек... – сказал Гарри Морган, глядя на них обоих, – человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. – Он остановился. – Всё равно человек один не может ни черта. – Потребовалось немало времени, чтобы он выговорил это, и требовалась вся его жизнь, чтобы он понял это...»

«Хорошо сказано, – подумал Ескендир. – Сколько мужества, знаний о жизни, природного ума было у писателя. Почему я раньше этого не замечал? Как мог оставить недочитанным такой роман?.. Суета, текучка, работа... Да, работа, работа...»

3

Баян отправила четвертую полосу в типографию и стала собираться домой. Она сняла трубку, чтобы позвонить отцу, но тут же передумала и, помедлив, достала из сумочки какое-то письмо. Дважды перечитала его, разорвала на мелкие клочки, бросила в корзину для бумаг.

Поправив перед зеркалом прическу, погасила свет, закрыла дверь на замок, вышла на улицу.

Шла не спеша. Молодая красивая женщина... Волнистые длинные волосы подчеркивали белизну ее свежего лица, пухлые губы были слегка тронуты неяркой помадой... Изящная походка, хорошая одежда...

«А ведь думала, что всё кончено. Кон-че-но... Кончено всё. Всё. Неужели это маленькое письмецо растревожило?.. Нет... Нет... Прошлое не возвращается... И я устала. Как я устала!»

Молодая красивая женщина. Одна в этот поздний час. Одна. Навсегда теперь одна...

«Врешь, Баян, опять врешь. Ты сомневаешься, ты потеряла веру, но чувства твои живы. Ты не забыла Кайрата и никогда не сможешь его забыть...

А Омара? Как ты поступила с Омаром?

Я не могу ничего забыть. Всё кончено, но я ничего не смогу забыть. Я не забуду Омара, но его нет больше на земле. И я не смогу забыть Кайрата... Кайрата... Кайрата, сколько бы горя ни принес он мне...»

...Репортаж об открытии Центрального парка культуры и отдыха ответственный секретарь поручил написать практиканткам-дипломницам, двум подружкам, Майре и Баян.

– Вы там это... не сильно веселитесь, а то про работу забудете, – пробурчал секретарь, в сущности, совсем молодой еще парень, изо всех сил старавшийся казаться старше своих лет.

– Всё может быть, – засмеялась Майра. – Мы и на танцплощадку пойдем, правда, Баян?

Смутившаяся Баян не нашла, что ответить на реплику своей бойкой подруги.

– Это она вас стесняется, Максим Николаевич, а так она не против, – подмигнула Майра.

– Слишком ты шустрая, Майра, не находишь, а? – Ответственный секретарь разжег трубку и, улыбаясь, оглядел девушек.

– Надо идти в ногу со временем, Максим Николаевич, – уверенно изрекла Майра.

Ответственный секретарь хотел что-то добавить и даже вынул трубку из рта, но тут зазвонил телефон.

– Да, слушаю, – сказал он. – Не помещается – значит, сократите. Согласуйте с заведующим отдела и сократите. На первой полосе пойдет двадцать строк сообщения ТАСС... Я сейчас отправлю с курьером... – Закончив разговор, он строго посмотрел на практиканток. – Резюме: танцплощадка – ваше личное дело, но чтоб послезавтра утром репортаж в сто строк лежал передо мной.

– Может, сто пятьдесят? – улыбнулась Майра.

– Я сказал – сто... – Секретарь уткнулся в макет номера, и это означало, что дальше он беседовать не намерен: за месяц практики девушки успели хорошо изучить характер своего начальника.

На следующий день утром они, прихватив с собой бадминтонные ракетки, отправились в парк.

– Возьмем что-нибудь перекусить? – предложила Майра.

– Там поедим, – сказала Баян, доставая блокнот.

– Вот уж отдохнем сегодня на славу...

– А репортаж кто будет писать?

– Напишем, не волнуйся, шире шагай! – засмеялась Майра.

Они вволю нагулялись по парку, покатались на карусели, съели по три порции мороженого и зашли в летнее кафе.

– Ну, на сегодня наша работа закончена, – сказала Майра, ковыряясь вилкой в шницеле.

– Да, осталось заглянуть в зоопарк, – сказала Баян.

– Те же гривастые львы, полосатые тигры, те же бессовестные обезьяны, – улыбнулась Майра.

– Всё равно. Интересно... – не сдавалась Баян.

– Ты хочешь, чтоб я на свидание опоздала? – Майра мельком глянула на часы.

– Но ведь у тебя свидание вечером?

– Милая моя, – снисходительно начала Майра. – К вечернему свиданию надо готовиться днем. Ты у нас не признаешь всех этих ухаживаний, не оста-

ваться же и мне с носом. Раз я приехала в столицу учиться, так вместе с дипломом и мужа должна прихватить... – Майра засмеялась, брови у нее запрыгали, и в такт смеху заколыхались полные груди. Такой уж у нее был характер, открытый, прямой, иногда бесцеремонный, но Баян за то и любила Майру, что та не умела ни унывать, ни сердиться и всегда оставалась сама собой. – Мой Оскен не любит, когда я опаздываю. Стоит на минутку задержаться, тут же начинается ссориться...

– Уж больно он вспыльчивый. Ты с ним поосторожнее, – сказала Баян.

– Вспыльчивый не вспыльчивый, куда он денется?.. Потрепыхается, как птичка в клетке, да и перестанет, – опять засмеялась Майра. – А вообще-то хорошо, когда муж строгий, – неожиданно вывела она.

– Всё-то ты на свете знаешь, – не удержалась Баян.

– Пошли, пошли... – Майра встала. – И не хвали меня, а то сглазишь...

В конце парка у большого пруда стояла длинная очередь.

– Не успеем на лодке покататься, – сказала Майра.

– Жалко. Может, все-таки постоим, а?

– Нет, я опоздаю... Идем лучше к твоим зверям.

Народу в зоопарке было много. Дети восторженно толпились близ вольер, где гордо расхаживал роскошный тигр, пели птицы, хмуро поглядывал на зевак огромный бурый медведь.

– Как всё то, что мы сегодня видели, уместить в сто строк? – загрустила Майра. – Смотри-ка! – Она обратила внимание на художника, расположившегося под высоким деревом. – Поглядим, что он рисует?

Голубое озеро... Синее небо... Лодки... Вот что они увидели на холсте. Вездесущие дети окружили художника, рослого парня с вьющимися волосами. Девушки стояли у него за спиной, но он ничего не замечал, по-видимому, прикинув к тому, что вокруг него всегда толкуются любопытные.

– Хорошо рисует, – сказала Баян шепотом.

– Давай познакомимся с ним. Красивый парень, – тоже шепотом ответила Майра.

– Перестань...

Баян не успела остановить Майру, потому что та уже обратилась к художнику:

– Простите, мы из республиканской молодежной газеты. Готовим репортаж об открытии Центрального парка. Назовите свою фамилию, имя, мы хотим написать о вас.

Майра с деловым видом раскрыла блокнот. Парень удивленно посмотрел на нее.

– Моя фамилия – Маусымбаев. Зовут меня – Кайрат. Я член молодежной секции Союза художников, – сказал он.

– Майра, с факультета журналистики. – Она протянула руку. – Учусь на четвертом курсе. А это моя подруга и коллега. Баян, иди сюда...

Парень улыбнулся подошедшей Баян.

– Кайрат Маусымбаев, – повторил он.

– Баян, – сказала она и замолчала, не зная, что делать дальше.

Кайрат тоже смешался. И даже бойкая Майра не находила нужных слов. Возникла та неловкая пауза, которая бывает иногда после скорого и ни к чему не обязывающего знакомства.

– До свидания, как-нибудь еще встретимся, – нашла наконец Майра.

Но художник, не сводя глаз с Баян, вдруг сказал:

– Если располагаете временем, можем посидеть в кафе. Я на сегодня свою работу закончил. А вы?

– Спасибо, но нас ждут, – ответила Майра.

– В таком случае, может быть, вы позвоните мне, когда выйдет статья. Отпразднуем ваш дебют...

– Не статья, а репортаж. И потом, вдруг его не напечатают?

– Ну, невелика беда. Мы всё равно можем встретиться.

– А у вас есть телефон?

– Да. Вот мой номер. – Кайрат оторвал кусок толстого картона и взял фло-мастер. – Но звоните во второй половине дня. До обеда я не работаю.

– Значит, вы соня? – лукаво поддела его Майра.

– У каждого есть свои маленькие слабости, – отшутился художник.

Когда они вышли из парка, Майра прыснула:

– Смотри какой приткий!.. Сразу же телефон, всё такое... Но, по-моему, ты ему понравилась, он явно на тебя глаз положил...

– Перестань, Майра! – рассердилась Баян, и щеки ее вспыхнули.

Репортаж вполне удовлетворил ответственного секретаря, и он поставил его в номер, но вычеркнул те два абзаца, где было написано о молодом художнике Кайрате Маусымбаеве и его картине.

– Мы ведь обещали человеку, – пыталась настоять на своем Майра, но ответственный секретарь был непреклонен.

– Такие обещания противоречат этике журналиста, – изрек он, попыхивая трубкой.

– А не выполнять свои обещания соответствует этике журналиста? – дерзко возразила Майра, но секретарь так посмотрел на нее, что девушки тут же покинули его кабинет...

– Ну что, твой успех нужно отметить, – сказал Оскен Майре, дважды прочитав репортаж.

– Это наша общая с Баян работа, почему мой успех? – Майра насушила брови.

– Я уважаю Баян, но мой ангел ты, а не она, – сказал Оскен и, подмигнув Баян, обнял Майру.

– Проси у нее прощения, – капризно сказала Майра.

– Я не обиделась. – Баян улыбнулась Оскену.

– Баян, в самом деле, простите, если что не так сказал, – смутился Оскен.

– Всё верно, Оскен. Вы всё верно сказали, и насчет ангела, и насчет успеха, – ответила Баян.

Они сидели в кафе у большого окна, за которым виднелись снежные вершины далеких гор.

– Как славно! – сказала Баян.

– Лучшее место в этом кафе, – похвастался Оскен.

– Давай здесь нашу свадьбу сыграем, – сказала Майра.

– Нет, свадьба будет в ауле. Что за свадьба без скачек, без борьбы – казах-ша-курес, а? – возразил Оскен.

– А я вот возьму да не выйду за тебя, раз ты со мной споришь...

– Выйдешь, куда ты теперь денешься, – вдруг захохотал Оскен.

Майра покраснела.

– Вот он какой. Сразу всё выложит, – как бы извиняясь, пробормотала она, но тут же лихо тряхнула головой: – Такие у нас дела, Баян. Сама видишь, теперь всю жизнь придется пройти руку об руку с этим верзилой.

Обычно Баян, услышав в компаниях подобные откровенные разговоры, тут же поднималась и уходила, но Майра была ее ближайшей подругой, и она осталась.

– Видишь, и Баян меня поддерживает, – сказал Оскен, по-своему истолковав ее молчание.

– Баянжан в городе выросла, у нее нежная, чуткая душа. И воспитание. А то б ты от нее услышал словечко! – перебила его Майра.

Оскен разлил шампанское.

– Ладно, хватит препираться, – улыбаясь, сказал он.

– Поздравляю вас с выходом вашего репортажа. – И, не удержавшись, кохнул: – Пусть недостаток ума возместится избытком гонорара...

– Что? Уж не за дурочку ли ты меня принимаешь? – возмутилась Майра.

– Для женщины ум – тяжкая, непосильная ноша, – продолжал острий Оскен.

Майре внезапно стало стыдно за него, и она робко посмотрела на Баян.

А та вдруг почувствовала на себе еще чей-то пристальный взгляд. Она повернулась к окну и сразу узнала: тот самый художник, парень в синей рубашке с засученными рукавами и открытым воротом.

Познакомившись в парке с двумя молоденькими журналистками, Кайрат стал каждое утро покупать республиканскую молодежную газету и наконец-то прочитал их репортаж, но своей фамилии в нем не нашел.

– Ах, хитрые девчонки, обманули меня, – добродушно посмеялся он.

Проходя сегодня мимо кафе, он вдруг увидел в окно обеих девушек и невольно залюбовался Баян. Белое, как молоко, лицо, лебединая шея, черные выразительные глаза – она сидела, подперев щеку маленьким кулачком. «Если согласится, нужно написать ее портрет, – подумал Кайрат. – На голубом фоне... Светлое лицо... Глаза... Льющиеся черные волосы...»

Кайрат вздрогнул, когда девушка посмотрела на него, а Баян и сама не заметила, что глядит на парня с улыбкой.

И Кайрат не замечал, что отвечает девушке такой же улыбкой.

С Баян что-то происходило. Она почувствовала – сердце ее забилося часто-часто. И нечто необъяснимое, особенное, чего она не испытывала раньше, вдруг обьяло ее душу. Вера, испуг, радость, страх – всё вспыхнуло в ней.

Майра радостно замахала художнику рукой.

– Это кто еще такой? – насторожился Оскен.

– Человек, – сказала Майра. – Кажется, хороший человек.

– Увидим, – пробурчал Оскен.

– Увидишь, – сказала Майра, посматривая на входную дверь. – Что тебе толку от того, какой он человек? Главное, чтобы он Баян понравился.

– Майра, перестань, – остановила ее зардевшаяся Баян. Но Кайрат уже подошел к их столу.

– Простите, я не помешаю вашей компании? – спросил он.

– Нет, что вы, присаживайтесь... – Оскен указал на свободный стул и позвал официантку.

– Вы не будете возражать, если я закажу бутылку шампанского? – спросил Кайрат. Майра согласно кивнула.

– Тогда захватите еще плитку шоколаду, – сказал Кайрат официантке.

– Не думайте, что мы обманули вас. Мы о вас написали, но наш шеф вычеркнул, – сказала Майра.

– Мне не привыкать. Видно, судьба такая... – отозвался Кайрат.

– Ну, тогда за то, чтоб она не была такой, – предложила Майра.

– Нет! – запротестовал художник. – Что касается меня, то ведь известно – судьбы человеческие решаются на небесах, значит, и моя тоже. За ваш дебют!

– Мы – атеисты, а вы? – спросил Оскен, подмигнув девушкам.

– Возможно, – ответил художник и посмотрел на часы.

– Что «возможно»? – опешил Оскен, но его вдруг перебила Баян.

– Вы спешите? Тогда мы не станем вас задерживать, – впервые за всё это время заговорила она.

– Неотложных дел у меня нет, – сказал Кайрат. – Но вечером я должен пойти в театр. Я приглашен на премьеру.

- Артистка пригласила? – спросил Оскен.
- Друг. Друг пригласил. Хотите со мной? – Он улыбаясь глядел на Баян, но голос его, когда он задал этот вопрос, чуть-чуть дрогнул. – Я вас всех приглашаю, – поправился он, обращаясь к Майре и Оскену.
- Может, сходим? – Майра посмотрела на Оскена.
- Давай, – кивнул Оскен.
- А ваш друг давно работает в театре? – спросила Баян.
- Нет, это его первая постановка в Алма-Ате.
- Где он учился? – заинтересовался Оскен.
- Мы с ним вместе закончили в прошлом году институт в Москве. Вообще-то оформление спектаклей не совсем его стихия, но Даулета товарищ попросил. Режиссер...
- Вы алмаатинец? – спросила Майра.
- Нет, я из Омска.
- Вот и омского казаха увидели, – заулыбался Оскен. – И что, в Омске много казахов?
- Есть...
- Почему бы вам в Казахстан не переехать? – сказал Оскен. – Надо же когда-то домой, на родину возвращаться. Что вам Омск?
- Но Кайрат в этот раз ничего не ответил.
- Они вышли из кафе и пешком направились к театру.
- А кругом цвела весна, и Алма-Ата была прекрасна. Пышные деревья вдоль прямых и широких улиц, фонтаны, чей тихий плеск радует душу, яркие пятна ранних цветов... Пройдет много лет, но Баян всегда будет помнить Алма-Ату такой – весенней, расцветающей...
- Публики перед театром было на удивление мало. Парень в джинсах, направившийся к ним, поздоровался с Кайратом за руку, а остальным бегло кивнул.
- Спасибо, что пришел, старик, – сказал он Кайрату.
- Знакомься, – отозвался Кайрат. – Это мои новые друзья.
- Даулет, – назвался парень.
- Баян.
- Майра.
- Оскен.
- Билеты найдутся для нас? – спросил Кайрат.
- Билеты? Билетов навалом, – сказал Даулет.
- А ведь обычно на премьеру не протолкнешься, – вставила Майра.
- Наверное, пьеса никудышная, – предположил Оскен. Даулет дернул плечом, ничего не ответил, взял Кайрата под руку, и они пошли вперед.
- Может, ну его, этот спектакль? – обратился Оскен к девушкам. – Только время зря потратим.
- Ты же сдал все зачеты, – удивилась Майра.
- Нет, еще один остался...
- Пойдемте, Даулет нас сейчас проведет, – повернулся к ним Кайрат.
- Они со мной, – сказал Даулет контролеру и тут же куда-то заторопился. – Встретимся после спектакля! – крикнул он, исчезая за дверью, где было написано: «Посторонним вход воспрещен».
- ...В антракте они пошли в буфет. Там было шумно, накурено. Чувствовалось, что все здесь знают друг друга и продолжают какой-то давным-давно начатый разговор.
- Ничего не получится, если не отдашь искусству всего себя, – сказал невысокий смуглый человек в кожаном пиджаке, мельком глянув на Баян.
- Люди, сгрудившиеся вокруг него за столиком, подхватили эти слова и торопливо заговорили, обращаясь к нему.

– Ваша пьеса – безупречная, очень интересная работа, – выпалил какой-то парень в очках.

– Для меня несомненно, что она станет одной из вершин новой казахской драматургии, – солидно откашлявшись, заявил другой, в вельветовой куртке. – Еще Бернард Шоу говорил... – хотел было продолжить он, но его перебил седоволосый грузный мужчина.

– Если вы помните, даже Энгельс писал драмы. По пьесе Каракена видно, что он тяготеет к классической форме, оттуда берет свои истоки. И это хорошо. Я в своей последней статье правильно пишу: писатели перестали читать книги, их теперь и за деньги не заставишь читать никого, кроме самих себя.

– Это Акшолоков, – шепнула Майра Баян. – Он у нас семинар по критике вел, помнишь?

Баян кивнула.

– Нет, тут вы не правы, если заплатить, они будут читать, – съязвил парень в очках.

– Я не о том говорю. Я говорю об абсолютной ценности художественного произведения, – сказал Акшолоков, откидывая назад всё еще роскошную седую гриву.

– И как ему не надоеет вести эти пустые разговоры? – рассердилась Майра.

– Сейчас начнет рассуждать о Гердере, – добавила Баян.

– Обязательно начнет. Он о гениях всегда говорит одно и то же. Умное, раз и навсегда заученное, – поддержала ее Майра.

Кайрат, развеселившийся от этих иронических реплик, посмотрел на соседний стол.

– Недавно вышла книга Гердера. Вы ее, конечно же, читали? – спросил Акшолоков. Никто не ответил ему.

– Это такая... в коричневом переплете? – вспомнил наконец смуглый человек.

– Ты, значит, видел ее, Каракен? – обрадовался критик. – Она называется «Идеи к философии истории человечества». Там есть такая фраза: «А ведь время и пространство – близнецы, и одна у них мать-судьба».

– Здорово сказано! – восхитился парень в вельветовой куртке.

– Поэтому у Каракена особенная судьба. Работать в драматургии не всякому дано, вот что нужно понять в первую очередь. Поднимем бокалы за Каракена! – сказал Акшолоков.

– Он говорит так, будто никогда не слышал о том, что еще Гоголь высоко ценил Гердера, – сказала Майра.

– И Лев Толстой тоже, – поддержала ее Баян. Кайрат с некоторым удивлением покосился на девушек.

– К сожалению, режиссура спектакля оставляет желать лучшего. Ваши мысли, идеи ослаблены всеми этими сценическими штучками, – сказал парень в очках.

– Да, маловато у нас режиссеров, которые понимали бы подтекст, да что там подтекст! Элементарно структуру пьесы, – затосковал тот, кого называли Каракеном.

Прозвенел второй звонок, и немногочисленные зрители потянулись в зал.

– Каракен, секрет вашей работы в том, что сложнейшие явления жизни у вас облакаются в простые, чуть ли не примитивные слова...

– Верно, – сказал смуглый человек и снова искоса глянул на Баян.

– Смотри-ка, он с тебя глаз не сводит, – шепнула ей Майра.

– Я знаю свое место и не корчу из себя гения, но думаю, что последние мои вещи, написанные для казахской сцены, займут на ней достойное место...

– Да, у вас особенная техника диалога, это свойственно почти всем вашим пьесам, – снова вступил в разговор парень в вельветовой куртке.

– Вот этого-то как раз режиссеры и не желают понимать, – пожаловался Каракен и, заметив, что критик Акшолоков молчит, о чем-то глубоко задумавшись, взял его под руку и повел в зал.

– Каракен, – обратился к нему Акшолоков. – Я наши, если их так можно назвать, творческие личности делю на две группы. Одни из них озабочены только собой, носятся только со своими делами, навязывают всем только себя. Другие же думают о народе, живут его делами и чаяниями. Вас я отношу к последней группе.

– Спасибо! – Драматург с чувством сжал локоть критика.

– Кукушка хвалит петуха, – сказал Кайрат по-русски, когда они ушли.

Все громко рассмеялись.

...Занавес закрылся. Зрители, вяло поаплодировав, дружно устремились к выходу, но это не смутило актеров.

– Автора!.. Режиссера!.. Художника!.. – скандировали они.

Автор, а им оказался смуглый Каракен, поднялся на сцену и лениво раскланялся, бесстрастно глядя на спины уходящих людей. Спесивое выражение его лица как бы говорило: хлопаєте вы или уходите, мне всё равно. Я-то знаю себе цену, и мои друзья, люди настоящего искусства, знают...

Даулет ждал их в фойе.

– Ну, пошли, – сказал он Кайрату. – Хоть спектакль и провалился, премьеру полагается обмыть.

– Я с друзьями, – напомнил Кайрат.

– Бери и своих друзей...

– Спасибо, но у Оскена завтра зачет, – сказала Майра. Кайрат вопросительно посмотрел на Баян. Она молчала.

– Мы тоже были студентами. Не обижайте нас, – сказал Даулет.

– Нам неудобно, у вас своя компания, мы можем там оказаться лишними, – вдруг проявил деликатность обычно грубоватый Оскен.

– Неудобно будет, если вы не примете моего приглашения, – ответил Даулет.

– Тогда пошли, – решила Майра.

– Вот это дело, – одобрил Кайрат, взяв Баян под руку. – А то мы можем подумать, что вы нас испугались, – пошутил он.

Баян убрала свою руку.

– Не надо, – резко сказала она.

– Извините, – смутился он.

«Да, всё именно так и было тогда, в самом начале нашего знакомства. Кайрат смутился. И улыбка у него погасла, и он нервно дернул плечом, и мне... мне стало жалко его...» – думала Баян, подходя к дому. По дороге она зашла в дежурный гастроном, купила молока, масла, хлеба. Потом долго в какой-то нерешительности стояла на автобусной остановке.

– Баян, ты ли это? – к ней вдруг бросилась некрасивая располневшая женщина, в которой Баян не без труда узнала свою школьную подругу. – Красавица... – приговаривала женщина, обнимая ее. – Я вон зато видишь какая стала, а всё эти мужики проклятые...

И она обрушила на головы мужчин свою многолетнюю накипевшую, ставшую привычной злость. И конечно же, больше всего доставалось ее мужу. Ведь именно он сгубил ее, этот рохля, который по дому ничего сделать не может да вдобавок еще и изменяет ей, отдавшей ему всё самое дорогое, что есть у нее в жизни...

«А ведь ты была красивой и доброй, – думала Баян, глядя на нее. – Что случилось с тобой?..»

Подруга, заметив, что Баян слушает ее вполуха, сказала:

– Прости, ты из-за меня пропустила автобус. Заболталась я, но такие вот они, мужчины...

– Почему ты не разойдешься с мужем, если вы не ладите? – спросила Баян.

Подруга удивленно посмотрела на нее.

– А кто мне будет приносить триста рублей в месяц?

– Ну, тогда как знаешь, – сказала Баян. – Но стоит ли тогда так говорить о нем?

– А твой муж где работает? – спросила подруга, помолчав и, по-видимому, обидевшись.

– Он погиб...

Подруге стало неловко.

– Прими мои соболезнования, – заторопилась она. – Он ведь летчик у тебя был, да? Опасная, ой, опасная работа... Дети есть у вас?

– Нет...

– Прости, подошел мой автобус...

И подруга скрылась, помахав Баян на прощание.

«Ехать или нет?.. Встретиться еще раз с Кайратом, или эта встреча закончится, как все другие?»

Баян вошла в телефонную будку, постучала двухкопеечной монеткой по стеклу.

«Как поступить?»

Она набрала номер. Трубку долго не поднимали.

– Да... – послышался наконец голос редактора.

– Владимир Николаевич, простите, вас беспокоит Баян. У меня к вам просьба. Мне нужно отлучиться на два дня...

– Что-то произошло, Баян Ескендировна?

– Возникло одно неотложное дело...

– Хорошо, – помедлив, сказал редактор. – Я вас отпускаю. Предупредите ответсекретаря и в пятницу будьте на работе...

– Спасибо, Владимир Николаевич. До свидания.

– Одну минутку, Баян... Я хотел сказать вам, что мне понравился ваш очерк в номере. Глубокий, точный, серьезный! От души поздравляю вас! Так держать, как говорится!..

– Спасибо...

Она позвонила ответственному секретарю, затем узнала расписание самолетов и, зайдя на почту, взяла телеграфный бланк.

4

Абылай дважды позвонил, и дверь ему открыла мать Сауле.

– Проходи, Абылай...

– Спасибо...

– Чайку садись попей...

– Спасибо, но я только что из-за стола.

– Отведай, отведай и нашего хлеба-соли... – Она провела его в гостиную.

В комнату зашла Сауле. Она протянула Абылаю громадное красное яблоко и тихонько шепнула:

– Не сопротивляйся, мама так просто нас не отпустит.

– Но ведь мы опаздываем!

Сауле пожала плечами, а ее мать уже протягивала Абылаю пиалу.

– Похудел-то как! – приговаривала она.

– Работа, – сказал Абылай, от нетерпения ерзая на стуле.

– Как здоровье твоего папы?

- В общем – ничего... Прихварывает, правда, иной раз.
- Возраст уже, возраст... – сочувственно покачала головой женщина. – А сестра твоя, Баян, насовсем к вам возвратилась?
- Да, – кивнул Абылай.
- Читаю ее заметки в газете. Хорошо пишет.
- Не заметки, а очерки, мама, – с досадой перебила ее Сауле, но она, не обращая внимания на слова дочери, цепко глядела на Абылая.
- «Изучает», – уныло подумал он.
- И тут зазвонил телефон. Мать Сауле взяла трубку.
- Да... Это ты, Биби? Хорошо... Да... Неужели?... – вдруг чему-то удивилась она. – Нет, ты сама ко мне приходи. Да, я одна. Дочка? Дочка гулять идет. Приходи, поговорим... – Она положила трубку и вернулась к столу. – Мать Салима звонила, – сказала она Сауле. – Ты уж не задерживайся, ладно?
- Хорошо, мама, – ответила Сауле, украдкой глянув на часы.
- А ты постой, – сказала мать Абылаю, который поднялся вслед за Сауле. – Мне надо с тобой поговорить. Выйди-ка на минутку, – обратилась она к дочери.
- Зачем? – удивилась Сауле.
- Я сказала – выйди.
- Какие у вас могут быть от меня тайны?!
- Хорошо, тогда я буду говорить при тебе, – спокойно ответила мать и повернулась к Абылаю: – Абылай, ты знаешь, у меня, кроме Сауле, нет никого на свете...
- Мама! – Вспыхнувшая Сауле пулей вылетела в другую комнату.
- Так что одна у меня к тебе просьба. Береги Сауле, как я ее всю жизнь берегла...
- Конечно, – пробормотал Абылай, который испытывал неловкость от этих чуть-чуть напыщенных слов.
- Отец сильно любил ее. Она, наша Сауле, бывало, встанет рано-рано, заберется к нему в постель, обнимет его за шею, смеется. И что бы я для нее ни делала, она отца всё равно любила больше, чем меня. А ему, бедняге, так и не суждено было увидеть свою дочь взрослой.
- Мать Сауле достала платок и вытерла им повлажневшие глаза.
- Сауле стояла за дверью.
- «О чем говорит... Зачем именно сейчас?...» Она медленно спустилась по лестнице и встретила во дворе Салима, который уже успел переодеться и выглядел теперь еще солиднее, чем несколько часов назад.
- Сауле, хочешь со мной в парк? – осторожно, как бы примериваясь, спросил он.
- Нет, – кратко ответила Сауле.
- А то пошли. Прогуляемся, потанцуем.
- Я не люблю танцевать.
- Со мной или вообще?
- Сам ответь на свой вопрос, – так же резко сказала Сауле.
- А Салим вдруг посерьезнел.
- Я хочу, чтобы ты знала. Я рекомендовал тебя в бюро курса.
- С чего это вдруг? – удивилась Сауле.
- Активность нужно проявлять. В следующем году станешь секретарем комсомольской организации. – Салим испытующе глядел на нее. – Большим человеком будешь, понятно?
- А ты любишь «больших людей», да, Салим? – спросила Сауле, но он и не заметил подвоха.
- Порядочный человек должен быть большим человеком, – начал было он. Но Сауле перебила его:

– А кто тебе сказал, что ты порядочный человек, а, Салим? По-моему, ты просто выскочка. Выскочка!

– Что? Да как ты смеешь так говорить? – рассердился Салим, но тут на улицу вышла его мать, Биби.

– А-а, Сауле!.. Здравствуй, милая, – ласково шурясь, заговорила она. – Погуляли бы вместе. Как-никак с детства друг друга знаете. Что ж ты не предложишь, Салим?.. Ты слышала, Сауле, наш Салим на следующий год поступает в аспирантуру. Аспирантом будешь, а всё такой же тихоня!.. – шутливо упрекнула она сына.

Сауле молчала.

– Ну... я пошла, не буду вам мешать, – вдруг заторопилась Биби, внимательно посмотрев на них. – А ты, сынок, во сколько дома будешь? – обратилась она к Салиму.

– Думаю, часов в десять, – важно ответил он и, отогнув манжет белой рубашки, неторопливо глянул на часы.

– Хорошо, сынок, хорошо...

И она скрылась в подъезде, направляясь в квартиру, где продолжался разговор Абылая с матерью Сауле.

– Отец наш вырос сиротой... Не было у него ни отца, ни матери. И у меня, кроме сестры в ауле, никого не осталось. Так что уж ты смотри, не обижай мою доченьку...

– Как вы можете такое подумать? – вспыхнул Абылай. – Я никогда ее не обижу!

– Верю, верю тебе, ты мальчик хороший, – улыбнулась мать Сауле сквозь слёзы. И тут же напала на Абылая: – Ты чего так оброс? Разве такая шевелюра красит парня? Посмотри на Салима – какой он аккуратный. Немедленно остриги свои кудри!

– Хорошо, – сдерживая улыбку, ответил Абылай. – Завтра подстригусь, сегодня уже парикмахерская закрыта.

Он быстро спустился по лестнице, едва успев поздороваться с матерью Салима, которая, поджав губы, неприязненно глядела на него.

...А Салим, несмотря на резкий отпор Сауле, всё же не желал сдаваться.

– Зимой, на каникулы, будет экскурсия в Москву. Поедешь? – спрашивал он.

– Поживем – увидим...

– Со своим Абылаем будешь советоваться? – не удержавшись, поддел он ее.

– Конечно, будет. Правда, Сауле? – неожиданно вмешался Абылай, подходя к ним. – Пошли, а? А то совсем опоздаем...

– Идем, – сказала Сауле, взяв его под руку.

– Идите-идите, – буркнул им вслед Салим.

Ескендир по-прежнему лежал на диване с книгой в руках. Увидев Баян, он радостно приподнялся.

– Ну, наконец-то! А я тебя жду.

– Вы так и не поужинали? – с укором спросила Баян.

– Одному не хочется. И голова что-то разболелась, сил нет, – оправдывался Ескендир.

– Простудились, наверное.

– Всё может быть.

– Я вас сейчас напою горячим молоком с медом.

– А может, мне лучше какое-нибудь лекарство принять? – засомневался Ескендир.

– Лекарство – потом, сначала молоко. – Баян переоделась и вышла на кухню. – Папа, я утром еду в командировку, – сказала она, открывая холодильник, и голос ее чуть дрогнул.

Ескендир, держа под мышкой книгу, тоже пришел на кухню.

– В командировку? К субботе вернешься?

– Вернусь. Я в пятницу должна быть на работе. А почему вы спросили про субботу?

– Мы с Абылаем хотели на недельку съездить порыбачить. Не хочешь с нами вместе отдохнуть?

– Боюсь, не получится. Работы много. А вы обязательно поезжайте... Абылаю это нужно. По-моему, он здорово вымотался. Да и вам пора развлекаться. Конечно, поезжайте. А сейчас идите и лягте, я вам молока принесу...

– Действительно, я последнее время что-то неважно себя чувствую, – пробормотал Ескендир, возвращаясь в комнату.

– Вам нельзя болеть, папа! – весело крикнула ему из кухни Баян, довольная тем, что разговор о ее «командировке» вроде бы закончился.

– Болеть мне можно, я уже стар, а кому хворать, как не нам, старикам. Мне умирать нельзя. Умру, на кого вас оставлю? – тихо сказал он, и Баян, стоявшая на пороге с пиалой в руках, замерла, как бы впервые разглядев его седые редкие волосы, резко обозначившиеся морщины, мешки под глазами.

– Ну, папа, вы еще молодой, рано вам о смерти.

– Я был молод, пока ваша бабушка была жива. Пока у меня была мать, я был сыном. А теперь я стал стариком и дальше стареть буду, – вздохнул он, принимая пиалу из рук дочери. И вдруг достал из-под подушки книгу, с которой не расставался весь вечер. – Хватит о болезнях. Смотри, как бывает. Я вот раньше не понимал Хемингуэя, терпеть его не мог, а теперь читаю, можно сказать, даже полюбил...

– Это, наверное, после того, как вы побывали на Кубе? – спросила Баян.

– Нет, после того, как я прочитал эту книгу. До меня наконец дошли его мысли. Сильный он человек! Мужчина! Гражданин! Ты послушай вот это...

Ескендир раскрыл книгу.

«К тому же, – подумал он, – все так или иначе убивают кого-нибудь или что-нибудь. Рыбная ловля убивает меня точно так же, как и не дает мне умереть. Мальчик – вот кто не дает мне умереть. Не обольщайся, старик...»

– А ведь вы не верили мне, когда я говорила, что Хемингуэй – великий писатель, – засмеялась Баян.

– Откуда мне было знать, если ты читала какую-то книгу, где и женщины и мужчины с утра до вечера пьют вино, никто не пьянеет, только треплются да треплются без конца... Ладно, может, ты и права. Вот уйду на пенсию, перечитаю ту книжку. Может, и там что-нибудь толковое есть... – Ескендир несколько раз жадно глотнул молока и спросил: – Ты завтра во сколько уезжаешь?

– В шесть утра. Мне в шесть нужно выйти из дому.

– Машина за тобой придет?

– Нет. Мы встречаемся у редакции, – сказала Баян, избегая глядеть на него.

– Понятно. – Ескендир вернул ей пиалу. – Спасибо, полезная штука.

– Еще хотите? – спросила она.

– Хорошего помаленьку, как говорится. Ты ложись, тебе вставать рано, а я еще читаю.

– Спокойной ночи, папа. – Баян поцеловала его и невольно задержалась у двери.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – спросил Ескендир, оторвавшись от книги.

– Нет, ничего особенного. Просто мне сегодня бабушка приснилась...

– В последнее время она и мне часто снится.

– Вот я возвращусь из командировки, вы приедете с рыбалки, соберемся все вместе да съездим к ней на кладбище, верно?

– Верно, – согласился Ескендир. – Хорошо, что ты не забываешь ее.

Он снова раскрыл книгу, надел очки, задумался, глядя в темное окно. Вдохнул тяжело, будто вновь подступило к нему непосильное горе, и вдруг сам испугался своего состояния, вновь попытавшись сосредоточиться на чтении. Буквы прыгали перед глазами, и сначала он не понимал смысла прочитанного. Но вот буквы выстроились в ряд, сложились в слова, и он наконец услышал, что говорит ему, Ескендиру, Эрнест Хемингуэй: «Фашисты могут пройти по стране, прокладывая себе дорогу лавиной металла, вывезенного из других стран. Они могут продвигаться с помощью изменников и трусов. Они могут разрушить города и селения, пытаясь держать народ в рабстве. Но ни один народ нельзя удержать в рабстве...»

Баян собрала чемодан, погасила верхний свет и включила настольную лампу. И тут она услышала тяжкий вздох отца.

Она замерла, сев на постель. Отец еще раз вздохнул. Вздох был тихий, и на душе у нее стало пусто и печально. Мысли о Кайрате, которые еще недавно казались ей такими важными, вдруг рассеялись, отошли на задний план, убогие и суетные.

– Отец... Мама... Брат... Омар... Бабушка... – тихо шептала она. – Бабушка, бабушка, бабушка...

...Бабушка лежит прикрытая белой простыней. Баян отдергивает простыню и видит пожелтевшее спокойное холодное ее лицо. На нем, безжизненном, нет признаков бремени прожитых лет, наоборот – кажется, бабушка довольна, что наконец-то успокоилась, наконец-то освободилась от всех земных забот.

Бабушка, прожившая восемьдесят восемь лет, похоронившая трех мужей, родившая восемнадцать детей, из которых в живых теперь остался лишь Ескендир. Бабушка... Бабушки больше нет. Умной, стойкой, мудрой бабушки...

Поздняя холодная осень. В раскрытое окно видно, как моросит мелкий дождик. Зябко. Баян накидывает на плечи пальто, молча садится у изголовья бабушки. «Хорошо, что хоть приехать успела, – думает она. – Этот дождь надолго. Дождь, серый дождь наверняка сменится белым снегом».

В комнате быстро стемнело.

«Баян, доченька, пошли, ты можешь простудиться», – услышала она чей-то голос.

Она отрицательно покачала головой.

«Дух твоей бабушки доволен. Идем!» – настаивал другой голос.

Она опять покачала головой, слабо отмахнулась. И не слышала, как со скрипом затворилась дверь.

«Кто из нас следующий? – думала она. – Я, папа или Абылай? Кто? Зимой в санатории Кокчетава умерла мама. Весной погиб Омар. Теперь осень, и я приехала хоронить бабушку. Говорят, беда одна не приходит. Дождь стучит в окно. Небо плачет. Небо плачет, а я не плачу. Я не плакала, когда умерла мама. Когда хоронили Омара, я тоже не проронила ни слезинки. Наверное, я никого не люблю! – испугалась она. – Почему у меня нет слез, когда я прощаюсь с самыми близкими для меня людьми?»

Дождь лил до самого утра. До самого утра сидела Баян у бабушкиного изголовья.

Наконец взошло солнце, и небо прояснилось. Разбрызгивая лужи, во двор въехала грузовая машина с траурной красно-черной лентой на борту. Баян крепко сжала плечо Абылая и подумала: «Теперь мне обязательно нужно возвращаться домой. Да поскорее – нельзя их оставлять одних, и папу, и Абылая. Папа уже стар, Абылай еще молод...»

«Бабушка! Бабушка!» – Абылай не мог сдерживать рыданий...

Снова завздыхал, заворочался за стеной отец. Читает или мучится бессонницей?

Баян вдруг обнаружила, что по щекам ее льются слезы. Она ничком упала на постель.

Когда они с Омаром прилетели в Семипалатинск играть свадьбу, бабушка сама приехала в аэропорт, чтобы встретить их. Зрение у нее было всё еще хорошее, она издали заметила внучку и выбежала на летное поле, поправляя цветастый платок, развевающийся на ветру.

«Не полагается. Ждите здесь», — остановила ее дежурная, и бабушка рассердилась на нее.

«Отойди! Ты что, завидуешь моей радости?» — тоненьким голосом вскрикнула она и, оттолкнув дежурную, с криком: «Баянжан! Милая моя!» — побежала навстречу пассажирам, так что дежурная, растерявшись от неожиданности, лишь успела пробормотать: «Ну и характер у бабуси!»

Баян уже знала, что мать, лежавшая в кокчетавском санатории, не сможет приехать на свадьбу, врачи не разрешают, она была сильно огорчена, и поэтому наивная, почти детская радость бабушки, ее искренняя участливость тронули ее. Ведь они оба, Баян и Абылай, выросли под крылом у бабушки. Как-то, когда они были совсем маленькими, мать отсутствовала особенно долго, и тогда бабушка сказала, что она «в командировке». Баян не знала, что такое «командировка», но поняла, что теперь не скоро увидит мать, и детское ее сознание было поражено этим ужасным, загадочным словом. Она прижалась к бабушке, смотрела на улицу: небо, как перевернутый котел, всё в черных тучах, тоже напугало ее, и девочка горько заплакала.

Отгуляв свадьбу, молодожены собрались в обратный путь, и бабушка, обняв Баян, долго не отпускала ее. Руки у нее были жилистые, всё еще сильные, и ее старинные серебряные перстни были удивительно под стать всему величественному облику бабушки. Баян припала к ней, расцеловала ее морщинистые щеки, оставив на них красные следы губной помады, рассмеялась и тут же вытерла помаду носовым платком. Отец и Омар стояли в сторонке.

«Хороший муж тебе достался, славный, настоящий джигит, поверь мне, я-то знаю цену джигитам, основательный муж, так что и ты будь умницей, внученька, твой характер мне известен, люби мужа, уважай, береги его», — сказала бабушка.

«Ты же сама сказала, что я умница, верно, бабушка?» — ответила Баян, ластясь к ней, но бабушка не слушала ее. А может, просто хотела, чтоб внучка была посерьезней, когда ей в такую минуту дают советы и наставления.

«Люби, уважай, береги, — повторила она. — Мало быть просто женщиной. Нужно с ним вместе быть, во всех его помыслах и делах, нужно быть верным другом своему мужу. Есть женщины, которые хвастаются тем, что рожают хороших детей. Не будь такой, солнце мое! Как бы женщина родила ребенка, если бы не было мужчины? Это неумная женщина может сказать “мой ребенок”, когда нужно говорить “наш...”. Старики не глупее нас были, когда придумали напутствие девушке, выходящей замуж: лишь кости и прах твои, а тело твое и душа твоя теперь навеки принадлежат мужу. Вот так-то, солнце мое!»

Она цепко всматривалась в смеющиеся глаза Баян, желая узнать, как отнесется внучка к ее словам. Но Баян тогда плохо понимала ее. Нет, понимала, конечно, но до сердца эти слова не доходили, отскакивали, как пластмассовый теннисный шарик. Раздумья старухи, бывшей когда-то любимой снохой султана, похоронившей троих мужей, родившей восемнадцать детей, старухи, узнавшей на своем веку и «красную юрту», и голод, и коллективизацию, и войну, и суточные очереди за куском хлеба по карточкам, повидавшей жизнь справедливую и несправедливую, пережившей и радость, и горе, и счастье, и трудности — всё, что только может выпасть на человеческую долю, — раздумья эти казались Баян, только начинавшей свою самостоятельную жизнь, чужими

и далекими. Трудности, обман, предательство, нужда, горе – что она знала об этом? В девичестве всякий свет кажется вечным. Молодая, ступающая по кромке берега, она ведь не встречалась еще с тяжелой свинцовой волной океана жизни. Старуха читала это в ее глазах и горевала, что нынешние дети нехотя слушают поучения старших, не придавая их советам особого значения. «У заблудившегося впереди – пустота, позади – слепая тропинка», – подумала она.

Чуткая Баян поспешила сказать ей: «Бабушка, вы всё правильно говорите, только я думаю, что жизнь сама научит. Правда?» – «Правда. Но я хочу, чтоб ты локти потом не кусала с досады, – тихо ответила ей старуха. – Есть еще одна пословица: сойдутся двое настоящих людей – до смерти будут друзьями, сойдутся двое плохих – до смерти будут врагами. Запомни это...»

Она успокаивала себя мыслью о том, что у каждого времени свои законы, своя мера, своя доля. Внутренне радовалась тому, что Омар дружелюбно и уважительно разговаривает с тестем и Ескендир отвечает ему тем же. Поэтому, когда они направились к ней, Макпал выпрямила свои старческие плечи, стараясь держаться потверже, и потянулась к Омару.

«Иди, иди ко мне, я поцелую тебя, солнце мое! И слово тебе скажу. Скажу так – верь моей Баян, не унижай ее. За хороший поступок – хвали, плохого не замечай. Она у меня умная, всё сама по твоим глазам поймет... Эх, пожить бы мне с вами немножко, да на кого своих мужчин оставить?» – Она указала на Ескендира и Абылая.

«А вы, бабушка, всё-таки найдите время и приезжайте к нам», – сказал Омар.

«Если прилетишь за мной на своем аэроплане, обязательно поеду, солнце мое! – отозвалась старуха. – Я знаю, ни родных, ни близких у тебя нету, но теперь ты породнился с нами, мы теперь твоя семья, твои родные, ты не только жену, ты и отца, и мать, и брата, и бабушку нашел, так что считай нас своими и не обижайся на нас, особенно на меня, старую, не обижайся, если я что неладное скажу...»

Бабушка поцеловала Омара в лоб, обняла его, и вдруг этот здоровенный джигит заплакал. Он плакал судорожно, как мальчишка шмыгая носом, и не стеснялся своих слёз.

А Баян тогда стало за него очень стыдно, и она сердито отвернулась, прикусив губу. Лишь теперь она поняла, как не хватало Омару за всю его короткую жизнь тепла и верности – добрых рук, материнской ласки, сердечности близких и родных. Лишь теперь...

Лишь теперь...

А тогда ей стало очень стыдно за мужа-размазню, расплакавшегося на виду у всех. Она гневно глянула на Омара, вытирающего слёзы. И в самолете была с ним холодна, но Омар не замечал этого. Он, не отрываясь, глядел в иллюминатор и видел трех человек за высокой оградой. Родных – ведь отныне это самые близкие для него люди, и он больше не одинок. Не одинок... Он махал, махал им, не замечая, что слёзы вновь текут по его щекам. Он не понял, отчего Баян отдернула руку, когда он хотел взять ее ладонь в свою, – подумал, что это обычное ее волнение при расставании с семьей, и снова повернулся к иллюминатору. Абылай наконец-то разглядел, где сидит Омар, и что-то сказал отцу, показывая на самолет. Омар махнул ему. Абылай поднял руку и тоже помахал в ответ.

Абылай привязался к Омару за эти десять дней и обнял его в аэропорту, прижался.

«Приедешь к нам на следующее лето?» – спросил его Омар.

«Приедет, приедет», – торопливо ответила за внука бабушка.

«Вот здорово! – обрадовался Абылай. – Омар-ага, а вы возьмете меня полетать с собой? Покажете летчицкую кабину?»

«Обязательно возьму, – сказал Омар. – И кроме того, подарю тебе свои боксерские перчатки».

«Тогда я уже в этом году запишусь в секцию бокса. Правда, папа?» – Абылай осторожно посмотрел на отца.

«Не возражаю», – кивнул отец, а Омар взъерошил Абылаю волосы.

«Правильно! Мужчина должен быть сильным. Может, ты еще и чемпионом станешь», – сказал он.

И теперь, сидя в самолете, вспомнил уверенный ответ Абылая: «Да, я буду чемпионом. Я обязательно им буду...»

...Самолет набрал высоту. Омар повернулся к Баян, но она, закрыв глаза, откинулась в кресле и, по-видимому, спала. «Устала. Переволновалась... – подумал Омар, глядя на нее. – Красивая... добрая... веселая... Какое счастье! И всё это счастье твое, Омар. Не заносись, не испытывай судьбу, береги, лелей свое счастье. Неужели когда-нибудь кончится Оно, это ошеломляющее счастье? Нет, не верю. Не может быть. Не может быть... Никогда...»

...Баян открыла глаза и увидела деревья, освещенные луной, крыши домов напротив. Она никак не могла заснуть. Полная луна вышла из-за тучи, назойливо заглядывая в окошко. Баян казалось, что она ощущает дыхание каких-то иных сфер, присутствие какого-то неведомого безграничного пространства, в котором, подобно маленькой песчинке, затерялась она, одинокая, несчастная, жалкая. И луна, и эти мысли, и ночь – всё пугало ее.

«Нет, никуда я не поеду, – вдруг прошептала она. – Нет! Напрасно ты, Кайрат Маусымбаев, ждешь меня... Напрасно... У заблудившегося впереди – пустота... – вдруг вспомнила она поговорку бабушки, – позади – слепая тропа... – Она вздохнула: – Омар... Омар... Омар...»

«Пойдете за меня замуж, а?»

«Вы это серьезно?»

«Конечно. Я очень серьезный человек».

Высокий, красивый, модно подстриженный парень в форме летчика гражданской авиации с улыбкой глядел на Баян, и она замешкалась с ответом, так и не решив: то ли рассердиться ей, то ли обратить его слова в шутку. Их глаза встретились, и она вдруг тоже улыбнулась:

«Вы шутник?»

«Шутник? Ну почему мне все так отвечают? Почему мне никто не верит?» – вздохнул парень.

«А вы что, часто делаете предложения?»

«Нет, конечно, – поправился парень. – Но я скажу правду – однажды я чуть было не женился».

«И вы всегда говорите правду?» – насмешливо глянула на него Баян.

«Всегда, – отрезал парень. – Ну, так что же вы мне ответите?»

Они шли из библиотеки, в которой познакомились неделю назад.

«Надо подумать. Как-то уж больно это для меня неожиданно», – отозвалась Баян.

«А чего тут думать? – искренне удивился парень. – По-моему, тут и думать нечего...»

«Почему?»

«Пока вы будете думать, я женюсь на другой».

«Ну что же, значит, такова будет воля судьбы». – Баян вдруг понравилась эта игра, и она с удовольствием в нее включилась.

«Как хотите, но парня лучше меня вы не сыщете, это я вам говорю, Омар», – настаивал парень.

«Такую девушку, как я, тоже не каждый день встретишь, как считаете, уважаемый товарищ Омар?»

«Вы совершенно правы, – кивнул парень. – Но именно поэтому я и делаю предложение вам, а не кому-нибудь другому. Итак, вы согласны, да?»

«Нет, я всё же подумаю... с вашего позволения, – лукаво прищурилась Баян. – До свидания. Я здесь сверну, если вы, конечно, не возражаете...»

«Возражаю! Я хочу вас проводить».

«Спасибо. Терпеть не могу провожатых. До свидания».

Она шла по своей тихой улочке, и ей очень хотелось обернуться, но она чувствовала, что он смотрит ей вслед, и поэтому лишь убыстрила шаг.

В тот год она, только что закончившая университет, снимала комнату у одинокой женщины, работавшей медсестрой в областной больнице Целинограда, в который Баян попала по распределению. Баян открыла калитку и тут же столкнулась с Марией Васильевной, так звали ее квартирную хозяйку. Мария Васильевна спешила на дежурство.

«Баян, тут тебя какой-то парень искал... Видный такой», – сказала она, приостановившись на минутку.

«Парень? Какой парень? Из редакции кто-нибудь?» – удивилась Баян.

«Нет, он говорит, что приехал из Алма-Аты. Да ты скоро сама всё узнаешь, он сейчас придет. Он свои вещи оставил...»

«Он сказал, как его зовут? Случайно, не Кайрат?» – в голосе Баян были и радость и смутнение.

«Да-да, точно... Кайрат... Теперь я вспомнила. Он сказал, что его зовут Кайратом...»

«А куда он пошел?»

«Город, сказал, хочу посмотреть. Скоро, сказал, вернусь. Это что, твой парень?»

Баян радостно заулыбалась, но ничего не ответила.

«Ладно, не смущайся. Дело ваше молодое, а я – бегу, бегу... Ты на ночь ворота закрой. Хорошо?»

«Хорошо».

Она села к окну и стала глядеть на улицу. Кайрат... Кайрат!.. Как она соскучилась по нему – ведь они не виделись уже более полугода! И она не смогла усидеть на месте. Наскоро оделась и вышла на улицу. Кайрат! Он приехал к ней... За ней... Он приехал... Он сам приехал... Без звонка, без телеграммы... Он любит ее... Он не может жить без нее...

Она бродила неподалеку от дома, с нетерпением поглядывая на дорогу – ну где же, где же он? Где ты, милый Кайрат?

Быстро стемнело. У Баян замерзли ноги, и она возвратилась домой. Включила свет, задернула шторы и только тут услышала шум подъехавшей машины. Накинула на плечи шаль и выбежала во двор.

«Простудисься», – сказал он вместо приветствия.

«Кайрат! Милый мой!» – шептала она.

«Милая...» – Он расцеловал ее, и они, обнявшись, вошли в дом.

«Чуть было не забыл!» – засмеялся Кайрат, вынимая из сумки яблоки, гранаты, коробку шоколадных конфет, какие-то бутылки с пестрыми заграничными этикетками, флакон французских духов.

«Спасибо. Стоило ли так беспокоиться?» – смущенно сказала Баян, принимая подарки.

«Разве это беспокойство, радость моя?» – Кайрат снова обнял Баян.

«Соскучилась я по тебе. Боже мой, как я по тебе соскучилась, – шептала она, уткнувшись в его плечо. – Ты надолго ко мне?»

«Послезавтра должен лететь обратно. Работа, сама понимаешь...»

«Значит, впереди у нас полтора... нет, почти два дня...» – прошептала она, закрыв глаза.

...Кайрат проснулся первым. Лучи солнца заполнили маленькую комнату Баян, а сама она тихонько посапывала во сне.

«Баян! Милая!» – позвал Кайрат и, откинув одеяло, стал целовать ее.

«Попытаюсь отпроситься, – сказала Баян, когда они наконец-то вышли на улицу. – У нас ответсекретарь строгий, но я все-таки попробую. Кайрат... представляешь, мы весь день проведем вместе».

Кайрат молчал.

«Да, кстати, – вспомнила Баян. – Ты купил обратный билет? А то я могу тебе помочь через редакцию».

«Еще вчера купил», – сказал Кайрат.

«Во сколько у тебя самолет?»

«В восемь утра».

«А почему ты не летишь вечерним рейсом?» – огорчилась Баян.

«Билетов не было», – сказал Кайрат, избегая ее взгляда.

«Ну, это мы сейчас поправим. Я позвоню из редакции, и мы переформируем твой билет...»

«Не беспокойся, не нужно, – сказал Кайрат. – Дело в том, что я дал телеграмму и меня приедут встречать», – сочинил на ходу.

«Скверно всё складывается, – опечалилась Баян. – А вдруг меня с работы не отпустят? Тогда как?»

«А ты отпрашивайся после обеда, так будет лучше».

«Почему лучше?» – остановилась Баян.

«Потому что я до обеда занят. У меня дела в краеведческом музее, но часам к четырем я непременно освобожусь».

«Дела? Разве ты в командировке? Вчера ты говорил, что прилетел сюда ради меня». – Голос Баян дрожал, срывался. Она в упор глядела на Кайрата.

«Конечно, ради тебя, – промямлил он. – Но... Мне нужно. Ты понимаешь меня? Я сдаю им свою работу».

Баян, ничего не ответив, опустила глаза, и они в молчании пошли дальше.

Возле самой редакции Кайрат сказал:

«Я тебе позвоню, как только освобожусь».

«Хорошо. Я буду ждать», – чуть слышно отозвалась Баян.

...Она услышала, как отец чиркнул спичкой. И ему не спится. Встал, наверное, покурить. Баян выключила настольную лампу и повернулась лицом к стене. «А я, идиотка, разнежилась, вообразила, что мой принц не в силах жить без меня! “Я сдаю им свою работу”. Какая же я была глупая!.. А теперь – разве теперь я поумнела, разве научилась чему-нибудь?» – подумала в отчаянии.

«Подожди немного, и я приеду к тебе. Надолго приеду. Сяду в самолет и прилечу», – сказал Кайрат вечером, когда она пришла к нему в гостиницу и они сидели в номере, глядя в окно, как угасает день.

Она промолчала.

Он обнял ее, поцеловал.

«Какие у тебя губы холодные, – сказал он. – Давай ложиться, а то мне вставать рано».

Баян покачала головой и поднялась.

«Я пойду домой».

«Баян... Ты что, обиделась?» – Он поймал ее за рукав.

«Пусти, – сказала она. – Я пойду домой. Я устала».

«Не сердись. Ну хочешь, я завтра утром улечу, а к вечеру возвращусь?» – не отпуская ее и всё еще не теряя надежды, сказал Кайрат.

«Спасибо. Не надо».

«Почему?» – Он вновь попытался обнять ее.

«Потому что ты лжешь. Ты не приедешь. Ты знаешь это не хуже меня!»

Он отвернулся, подошел к столу и взял сигареты.

Она накинула пальто, повернула ключ, торчащий в двери, и вышла, не прощаясь. Она шла по улице, и ее била зябкая дрожь.

«А где твой гость? – удивилась Мария Васильевна, когда Баян зашла в дом. – Славный у тебя парень. Я ночью, когда дежурила, всё что-то думала о вас. Представила, как вы рядом стоите, как смотрите красиво. У тебя есть фотография, где вы вместе сняты?»

«Есть».

«Покажи».

«Зачем?»

«Да что с тобой? На тебе лица нет! Он что, обидел тебя?» – приглядывалась к ней Мария Васильевна.

«Нет», – ответила Баян.

«Ты вся дрожишь. Замерзла? Я сейчас чай поставлю», – захлопотала Мария Васильевна.

Баян молчала...

И до самого утра не смогла она сомкнуть глаз.

«Спи, спи, тебе завтра рано вставать», – уговаривала она себя. – Нет, этого не будет. Я никуда не полечу. Хватит. Я не полечу. Не полечу! – мучила она себя и плакала: – Бабушка! Бабушка! Подскажи мне, как жить, и я всё сделаю, как ты велишь. У заблудившегося впереди – пустота... Я никуда не поеду... Я хочу умереть. Я умру.

Здесь я и умру...»

5

Абылай и Сауле вошли в привокзальный ресторан. Ребята из стройотряда уже сидели за сдвинутыми столиками и шумно приветствовали их:

– Абылай!

– Наш комиссар пришел!

– Наконец-то!

– Да не один, смотрите, он не один!

Абылай помахал им и повел Сауле через длинный зал ресторана.

– Располагайтесь. – Командир отряда Жаппас показал на два свободных стула. – Долго же я держал их для вас...

– Знакомьтесь, это Сауле, – сказал Абылай, и они сели за стол.

– Комиссар, мы без тебя уже три тоста произнесли, так что ты не обижайся, сам виноват. – Жаппас хлопнул Абылая по плечу. – Докладываю обстановку: Сарсен, Дулат и Кобылан уехали аягузским поездом. В десять двадцать отбывают Макпал, Дамеш, Зейнолла и Мурат...

– Специальное информационное сообщение. Исключительно для тебя, – перебил командира Зейнолла, тощий, веселый и разговорчивый парень. – А теперь, командир, – обратился он к Жаппасу, – налей им «штрафную»! Потому что соловья, или, вернее, соловьев, баснями не кормят, – добавил он по-русски, подмигнув Абылаю и поглядывая на Сауле.

– Это сегодня твоя функция, – проворчал командир, недовольный тем, что его перебили.

– Всё будет сделано согласно вашему приказанию, – продолжал тараторить Зейнолла. – Я рад, что с сегодняшнего дня у нас в отряде отменен сухой закон, и обещаю вам, что все вы станете свидетелями моей радости.

Ребята засмеялись.

– Ладно, сиди, я сам налью, – сказал Абылай Зейнолле.
– Не годится, комиссар. Сегодня я виночерпий, – заупрямился Зейнолла.
– Тогда дай нам с Сауле немного шампанского.
– Абылай, когда же мы увидим, как ты водку пьешь? Выпей же ты хоть один разочек, – весело загалдела компания.

– Я не пью.
– Мы знаем, но сегодня можно. Сегодня у нас праздник, – сказал Жаппас.
– Нет. Спасибо.
– Ну, была бы честь предложена, как говорится... – обиделся Зейнолла.
– Что ты пристал к Абылаю? Водка и спорт несовместимы, – сказала Дамеш, которая была у них в отряде поваром и имела конкретные суждения на любой случай жизни.

– Будто мы сами не знаем, что наш Абылай замечательный боксер, – снова обиделся Зейнолла и, привстав, постучал вилкой по графину. – Эй, ребята! Я хочу сказать...

– А кто тебе дал слово? – якобы грозно спросил Жаппас, который в это время о чем-то толковал с Макпал и Муратом. Парень, что называется, «держал марку» – он был старше своих однокурсников года на три, отслужил в армии, где был командиром взвода, по званию – старшиной. Соответственно своему воинскому званию он себя и вел с ребятами, но те, любя его, не прочь были иной раз подшутить над этой его слабостью.

– Ну так дай! – задорно отозвался Зейнолла. – Или ты забыл, что язык не только у тебя есть?

– Командир! Ладно! Пусть Зейнолла скажет!.. – враз зашумели ребята, и Жаппас согласно кивнул.

Может, потому, что сегодня была пятница, в зале ресторана, шумном и накуренном, яблоку негде было упасть. Оркестранты раскладывали ноты, готовили инструменты, пробовали их звучание. Многие в зале оглядывались и смотрели на веселую студенческую компанию.

– Я предлагаю тост за нашего Абылая. Пусть он в будущем году снова завоюет всесоюзную медаль, но не бронзовую и юношескую, а золотую и среди взрослых. Я всё сказал!

– Гип-гип, ура! Гип-гип, ура! Ура! Ура! Ура!

Встал смущенный Абылай.

– Спасибо тебе за твои слова, Зейнолла, – обратился он к приятелю.

– Не стоит благодарности. У меня таких слов много, – тут же отозвался Зейнолла.

Дамеш, глянув на него с укором, сказала:

– Всё болтаешь, болтаешь...

– Пройдет совсем немного времени, и я буду просить твоей руки, – сказал Зейнолла.

– Тебе нельзя жениться, ты стипендию не получаешь, – уколол его Жаппас.

– Да к тому же слишком вспыльчив. И сдержанности тебе не хватает... – добавила Дамеш.

– Можно подумать, что ты великая молчунья, – сделав обиженное лицо, отвернулся от нее Зейнолла.

Сауле с интересом следила за их веселой перепалкой. Она незаметно взяла Абылая за руку.

– У тебя хорошие друзья, – шепотом сказала она.

– Правда? Они тебе нравятся? – обрадовался Абылай.

Сауле кивнула.

Неподалеку от студентов, за столом у окна, ужинал маленький старичок с совершенно белой узкой бородой и черными густыми, нависающими бровями.

Рядом с ним сидела молодая красивая девушка с толстой косой. По-видимому, его дочь или даже внучка. Она что-то тихо втолковывала старику, но тот молчал, изредка поправляя тюбетейку, поглаживал бороду да равнодушно поглядывал по сторонам, так что непонятно было, соглашается он с нею или нет. Абылаю показалось, что он где-то уже встречал старика. То ли этот жест, которым он поправлял тюбетейку, то ли борода, то ли размеренный, отсутствующий взгляд... Но где? Когда? Абылай никак не мог припомнить...

А в это время в ресторане появились новые посетители. Метрдотель, вальяжная могучая дама, точно сошедшая с полотен Рубенса, провела к накрытому столику трех мужчин и усадила их, предварительно убрав табличку «Стол заказан». Первый из вошедших, грузный, со шрамом на лице, расположился во главе стола и, крикнув, навалился на стол всем телом. По левую руку от него уселся лохматый высокий парень с золотыми зубами. Уселся и тут же зевнул, отчего зубы его засияли ослепительно. Третий из компании, худой, подвижный, средних лет, засучивая рукава рубашки, глянул на студентов и кому-то из них махнул рукой. Командир, заметив этот жест, встал и подошел к нему. Худой обнял Жаппаса и стал знакомить его со своими друзьями. Пузатый и золотозубый равнодушно кивнул студенту, и Жаппас вернулся за свой стол.

Абылая заинтересовала эта троица, и он во все глаза глядел на них. Эх, если бы он знал, какую роль сыграют они в его судьбе! Возможно, что он тут же встал бы и вышел, взяв Сауле за руку, вышел вон из этого ресторана, туда, на улицу, где уже синели вечерние сумерки, предвещающие ночную прохладу, и звезды слабо обозначались на сером небе. Но разве человеку ведомы изгибы его судьбы?..

Симпатичный парень в новеньких джинсах и молоденькая круглолицая девушка рука об руку направлялись к столику. Знакомый командира Жаппаса вскочил и представил их, после чего девушка и парень в джинсах сели. Мужчина со шрамом, казалось, был изрядно пьян. Во всяком случае, когда метрдотель наклонилась к нему и что-то шепнула, он прорычал:

– Уа, Алла! Вот так и нужно! – слегка качнулся и тщетно попытался обнять ее. Потом обернулся к сидящим и сказал, посмеиваясь: – Ишь, ловкая баба! Ну и молодец!.. Давай, тащи нам что хочешь. Пусть сегодня будет твою, дочь твою...

И захохотал. Компания поддержала его, будто он сказал им невесть что остроумное. Раскатистый смех прокатился над залом, но наблюдательному Абылаю показалось, что остальные смеются лишь для того, чтоб угодить мужчине со шрамом, который явно был главным за этим столом.

Довольная метрдотель, стараясь двигаться пограциознее, отправилась на кухню, а мужчина со шрамом небрежно оглядел зал. Старый тромбонист, заискивающе улыбаясь, закивал ему с эстрады, но мужчина, удостоив его лишь легким кивком, тут же отвернулся, тем самым как бы желая сказать: «Играешь на своей железяке и играй, я взглянул на тебя – с тебя и этой чести достаточно...» Здоровались с ним и другие музыканты, которые уже сидели на своих местах.

– Кто это такие? – спросил Абылай Жаппаса, когда тот вернулся на место.

– Это? Это всемогущие люди, – ответил тот. – Волшебники с большими карманами. Тот, который со мной поздоровался, родом из нашего аула. Он в мединституте преподает, ассистент. Этот, с золотыми зубами, и тот, в джинсах, – заведуют складами. Но самая важная персона у них – человек со шрамом, Алескеров. Известнейший дантист. У них у всех денег куры не клюют...

– «Если не способен стать великим актером или полководцем, становись великим преступником», – примерно так говорил один гениальный человек, – ухмыльнулся Абылай.

– Преступники по тюрьмам сидят. – Командир холодно посмотрел на него. – А эти на свободе, так что нечего зря болтать...

– О чем вы шепчетесь? – спросил их Зейнолла.

– Так, ерунда, – сказал Жаппас и снова повернулся к Макпал.

Зейнолла встал.

– Эй, тебе хватит, – остановила его Дамеш, которая пересела к нему поближе.

– Может, и хватит, но существует свобода слова, – невнятно заговорил Зейнолла, и вдруг голос его окреп: – Итак... Товарищи, я прошу вас поднять бокалы за самых дорогих для нас людей на свете, за наших матерей... – Последние слова он пытался выговорить как можно торжественнее. – За наших матерей, которые родили и воспитали нас... За мать Жаппаса, Абылая, Макпал, Дамеш, Сауле, Мурата и за мою маму... Ура!..

– Ура! – дружно закричали ребята, и Сауле испуганно посмотрела на побледневшего Абылая. Он болезненно переносил любое напоминание о своей матери, и девушка знала это.

– Это что еще там за молодежь? – нарочито коверкая слова, произнес парень в джинсах.

– Студенты. Из стройотряда вернулись, – пояснил ассистент из мединститута.

– Ишь развопились, – сказал парень и обнял круглолицую девушку.

Она хотела отстраниться, но пьяноватый кавалер крепко держал ее.

– Осторожнее, ага, – принужденно улыбаясь, сказала она.

– Не дергайся, рыбка, на крючок попадешь, – недобро усмехнулся он и обратился к ассистенту: – Слушай, у меня к тебе есть маленькая просьба. Поставишь завтра этой маленькой деточке... – Он провел пальцем по ее губам. – Таковую вот маленькую пятерочку на экзамене, ладно?..

– Ладно, так и быть, уважу тебя, – посмеиваясь, сказал худой.

– Уж ты уважь, сделай милость! – Голос парня угрожающе зазвенел. – А где список с фамилиями твоих подружек? – обратился он к девушке, и та стала поспешно рыться в своей сумочке.

– Завтра четыре такие же душечки будут сидеть рядом с тобой, товарищ грозный экзаменатор, – продолжал кривляться парень в джинсах. – Четверо нецелованных деточек, так что не теряйся...

Было заметно, что он опьянел больше других. Да и девушка изрядно подвыпила – она хохотала, часто роняла носовой платок и, наклоняясь за ним, с трудом выпрямлялась.

– Эй, хватит, попридержи язык! – рассердился мужчина со шрамом, которому явно не понравилась откровенная болтовня захмелевшего обладателя джинсов.

– Я что? Я – ничего, – притих тот.

И тут заиграл оркестр. Тонко и высоко запела труба, ей вторил саксофон, резко синкопировали ударные, уверенно звучала электрогитара. Послышался шум отодвигаемых стульев. Пары шли к центру зала. Публика, насытившись, захотела двигаться и веселиться.

– Ты не заболел? – тревожно спросила Сауле и снова погладила руку Абылая.

– Нет. – Абылай отрицательно покачал головой.

Труба, тромбон и саксофон... Тем летом в город приехал цирк, и все заборы были обклеены цветастыми афишами. Отважная женщина, сующая свою прелестную головку в пасть страшного льва. Усатый мужчина в чалме и рядом с ним – слон. Девушка в яркой юбочке с дюжиной маленьких собачек. Афиши эти манили и гипнотизировали мальчишек и девчонок. Абылая особенно нравилась та, где был нарисован смешной клоун в клетчатой кепке. Чего стоили

одни только его длинные черные ботинки с крючковатыми носками! Дети во дворе только и говорили об этом замечательном клоуне. Каждый, кто уже побывал в цирке, вспоминал его лихие проделки, уморительные реплики и даже пытался подражать трюкам, которые тот показывал. Все веселились от души.

Лишь Абылай, забившийся в укромный уголок между сараями, плакал горько и безутешно, плакал беззвучно, боясь, как бы ребята не увидели его и не подняли на смех. Все были в цирке, а его некому туда отвести. Папа в командировке, Баян в пионерском лагере, мама в больнице, бабушка старая – куда ей.

Прошло много лет, и сейчас он уже, конечно, не помнил всех подробностей этой истории, но зато твердо знал, когда впервые в жизни ощутил страшное, глухое одиночество. Тогда-то вот и появилась Сауле. Она нашла его, она подошла к нему. Странно! Минули годы, но он запомнил это несущественное – ее распушенную косичку, развязавшийся белый бантик...

«Абылай, вот ты где, а я тебя ищу», – сказала она, и он отвернулся, чтобы не показывать слёз. И ничего ей не ответил.

А она подошла к нему поближе:

«Хочешь, я скажу маме, и она завтра поведет нас в цирк?..»

«Ты ведь уже была там», – буркнул он.

«В цирке интересно, я снова туда хочу».

«Твоя мама не согласится».

«Согласится. Я ее хорошенько попрошу, и она согласится».

«Я не хочу в цирк», – сказал он.

«Тогда почему ты плакал?» – спросила Сауле.

«Мне песок в глаз попал», – соврал он.

«Ты плачешь потому, что соскучился по маме?» – снова спросила Сауле.

Он не ответил. Ему не хотелось плакать при ней.

«Уходи», – сказал он.

Сауле не двигалась.

«Уходи! Сказано тебе!» – Он грубо толкнул ее, она чудом удержалась на ногах и, молча опустив голову, ушла.

А он просидел в своем укрытии допоздна, пока не услышал голос бабушки, зовущей его. Только тогда он заметил, что уже горят уличные фонари и мягкая летняя ночь опускается на землю.

«Абылай! Абылай! Где ты?» – Бабушка приближалась, и он понял, что Сауле выдала его местонахождение.

«Что ты, золотко мое? Что попусту плачешь?.. Ночью нельзя плакать. Беду хочешь накликать? Не надо!.. – Бабушка обняла его жесткими теплыми ладонями. – Перестань, перестань, солнышко мое!..»

Усталый голос бабушки, ее сочувственные вздохи вновь растревожили его, и он горько заплакал, уткнувшись в ее мягкий живот.

«Хватит, я тебе говорю!» – приказала бабушка, и голос ее на этот раз звучал сурово и властно. – Услышит кто – стыдоба какая! Разве может джигит показывать свою слабость? Джигиту лучше умереть, чем вот так скулить...»

Слово «джигит» отрезвило его, и он, вытерев слёзы рукавом, поплелся за бабушкой.

«Ишь ты чего придумал, плакать! – продолжала сердито выговаривать бабушка. – Да я завтра тебя сама в этот серк поведу. Ишь ты, придумал чего – реветь...»

...Грохотал оркестр. Зейнолла, наклонившись, о чем-то толковал ему. Он поднял голову. Сауле танцевала с Муратом. Абылаю показалось, что она грустна. Гремела музыка. Перед Абылаем мелькали разгоряченные лица, трясущиеся тела... тела... ноги, ноги, ноги...

А Сауле действительно стало худо, ибо когда она пошла танцевать с Муратом, то вдруг увидела того самого парня в джинсах. Парень тоже заметил Сауле и развязно подмигнул ей. Наглый, самоуверенный, красивый, на виду у всех тискающий свою девушку, он, развалившись на стуле, надменно разглядывал танцующих.

Сауле, извинившись перед Муратом, возвратилась на место. Зейнолла, как выяснилось, рассказывал Абылаю о своей матери. Абылай кивал головой, поддакивал, но мысли его были далеко-далеко от этого ресторана, разгоряченной толпы. «Может, он уже знает обо всем? – вдруг подумала Сауле, и сердце ее забилось сильнее. – Нет. Никто не знает. Никто, кроме меня и его». Парень в джинсах лениво поискал ее глазами, и она резко повернулась к Абылаю.

– Да кабы не моя матушка, я бы знаешь как загудел! – говорил Зейнолла, положив локти на стол. – Эх, знаешь, какая замечательная у меня матушка!..

Он хотел сказать что-то веское и важное, но не смог найти слов и, в отчаянии махнув рукой, уставился на Абылая. А тот всё вспоминал...

«Папа скоро вернется?» – спросил он бабушку, когда та привела его домой. Он еще не мог успокоиться и изредка продолжал всхлипывать.

«Дня через два-три...» Бабушка горестно смотрела на него, голова ее дрожала, что происходило с ней лишь в минуты сильного волнения.

Больше он ни о чем не спрашивал. Бабушка уложила его и ушла на кухню. Лежа в своей постельке, он слышал, как она моет посуду и вполголоса разговаривает сама с собой:

«Эх, сбросить бы мне десяток-другой годочков. Тогда бы я непременно свела мальчонку в этот серк...»

Абылай понял, что в цирк он так и не попадет. Странно, но он уже не испытывал особой горечи и вскоре тихо заснул.

И цирк сам пришел к нему. Во сне. В цирке было шумно, весело, в цирке смеялись, визжали от восторга дети, и Абылай сидел в первом ряду, раскрыв от восторга рот, крепко уцепившись за руку мамы, веселой, здоровой мамы.

Львы прыгали через горящие обручи. Когда они, лениво ступая, вышли на арену, Абылай со страху спрятался за маму. А когда львов заставили прыгать в огонь, Абылаю стало их жалко. Дюжина беленьких собачек бегала по кругу, и было очень забавно, когда они, разделившись на две команды, принялись играть в футбол. А вот и сам клоун – в клетчатой своей кепке, с громадным красным носом, рот до ушей... Дети умирают со смеху, аплодируют, а он раздает им воздушные шары, но шары тут же лопаются, и клоун грозит ребятам: «Ах вы, озорники, обижаете дяденьку!..» Самый последний шар он протянул Абылаю, и этот шар не лопнул. Клоун погладил Абылая по голове, сказал: «Хороший мальчик, – и повторил, обратившись к залу: «Видите, какой умный, добрый мальчик!» И снова погладил Абылая по голове. «Мама, смотри, какой замечательный шар! Какой замечательный голубой шар! – закричал Абылай, и мама улыбнулась, обняла Абылая. – Мама, мама! Дядя клоун дал мне шар. Это добрый шар, и я буду беречь его... Мама!.. Мама!..»

Опустела площадка, на которой стоял цирк. Абылай крепко держал нитку с громадным голубым шаром. И вдруг налетевший ветер поднял мальчика прямо в небо. Абылай летел над домами, деревьями, реками, полями, городами, и над ним было лишь это голубое, как шар, небо, бескрайняя, неохватная даль, и он удивлялся тому, что нисколько не трусит, наоборот – его распирает радость, счастье полета... Он любил свой голубой шар, он верил своему голубому шару, и шар не обманул его надежд. Он вдруг снова увидел маму, добрую улыбающуюся маму. И клоуна в клетчатой кепке, который летел рядом с ним... Вот клоун снова погладил Абылая по голове и, кажется, даже поцеловал

его. Цирк сам пришел к Абылаю, и не было никого счастливее Абылая в ту ночь. Шар. Клоун. Цирк. Мама... Труба, тромбон и саксофон...

– Что с тобой? Да ты, видать, и вправду заболел? Может, на солнце перегрелся? – Сауле тревожно наклонилась к нему, и он молча прикрыл ее ладонь своею.

– Прости, – сказал он. – Я забылся... Я просто задумался... Прости, ничего особенного...

Он попытался улыбнуться, и у Сауле сжалось сердце – такой грустью, такой тоской были полны его глаза.

6

Баян была права. Ескендиру действительно не спалось, и он вышел на балкон покурить. Ночь. Полнолуние. Молочный рассеянный свет. Высокие звезды мерцают, колеблются, и эти движения их едва уловимы простым человеческим глазом. Да полно, уловимы ли?.. Ескендиру показалось, что он лишь какими-то частицами мозга ощущает их космическое мерцание. Мерцающие звезды. Высокие, далекие звезды...

Тогда тоже была ночь, и он, как сегодня, вышел на балкон и видел такое же ясное небо, полную луну, и звезды также загадочно мерцали, когда он с укором глядел на них.

Днем он был в больнице у Айши и провел с ней несколько мучительных часов. Он вспомнил ее отекавшее, испитое лицо, худое, костлявое, с выпирающими ключицами тело и вздрогнул от жалости.

Они сидели в больничном парке, молчали, глядя на закат и ежась от вечерней осенней прохлады.

«Как дети?» – спросила наконец Айша, кутаясь в теплый халат.

«Хорошо, – ответил Ескендир. – Нормально».

«Спрашивают, где я?» – Она опустила голову, голос ее звучал безразлично и равнодушно, отчего Ескендир понял, что жена опять выпила. С горечью подумал он о том, что здесь, в туберкулезной больнице, она стала выпивать, хотя это губительно для ее здоровья. Два или три раза она была совсем пьяная.

«Спрашивают. Я им сказал, что ты чувствуешь себя лучше. Они хотят навестить тебя в эту субботу».

«Нечего им тут делать. Пошли лучше мать», – пробормотала она.

«Баян хочет в университет поступать, я тебе говорил?» – спросил он.

«На журналистику, что ли?»

«На журналистику. Ты не против?»

«Как хотите, так и делайте, – громко сказала она. – А ты как на это смотришь?»

Она повернулась к мужу, дохнув на него перегаром.

«Мне нравятся ее планы. Я поддерживаю ее», – сказал он, в упор глядя на нее, отчего она догадалась, что он почувствовал запах перегара.

«Что смотришь?.. Я всё равно буду пить. Мне всё равно скоро крышка, и ты ничего не можешь мне запретить!» – истерично выкрикнула она.

Он погладил ее исхудавшие, бледные пальцы. Длинные и красивые когда-то... Не было тогда на свете человека счастливее Ескендира. Шел дождь, и тонкие, ласковые пальцы смахнули дождевые капли с его мокрого счастливого лица...

...Шел дождь. Он застал нас по дороге в общежитие. Все побежали, а я спрятался под большим деревом. Вскоре рядом со мной появились две девушки, которые тоже укрывались от дождя. Я знал их. Они жили в нашем общежитии. Одна на нашем этаже, другая – на четвертом. И вот эта с четвертого этажа, имени ее я тогда не знал, эта красавица, эта самая красивая на земле

девушка, в которую я заочно был влюблен, вдруг засмеялась и своими нежными пальчиками смахнула с моего лица капельки дождя.

«Вы никак не можете расстаться с гимнастеркой», – сказала она.

Я смутился, покраснел и не нашелся что ответить.

«А на филфаке уже все демобилизованные ходят в костюмах», – продолжала девушка.

«Так ведь у них есть гонорары», – серьезно объясняла девушка с нашего этажа.

«Верно, а у ребят с юридического денег не водится», – продолжала подшучивать надо мной моя красавица, но улыбка у нее была сердечная и печальная.

Дождь кончился, и подружки, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, сняли туфли и побежали босиком по теплым лужам.

«Оказывается, она знает, на каком факультете я учусь, – подумал я. – Значит, она интересуется мной?.. Нет, вряд ли... Просто кто-нибудь случайно сказал ей про меня – в общежитии все друг друга знают. Мне же, например, известно, что она учится на филфаке... И всё же... Да нет, не может быть...»

И всё же... Моего лица касалась рука этой девушки, ее нежные пальчики смахнули с него капельки дождя... Значит ли это что-нибудь?

А на следующий день, в воскресенье, я встал ни свет ни заря и принял-ся гладить костюм, который раздобыл вчера, поздним вечером, обегав пол-общежития. «Солдаты», которые успели обзавестись штатской одеждой, не соглашались уступить ее на денек. «Сами идем к девушкам», – объясняли они, и мне удалось договориться лишь с пареньком-первокурсником. Тот, наоборот, хотел побыть «солдатом на воскресенье», и мы с ним быстро поняли друг друга. Он спросил меня:

«Ага, вы расскажете мне, какие марки пистолетов существуют? »

«Наших или вообще?»

«Вообще...»

«Ну, их очень много...»

«Тогда скажите мне названия наших, американских, английских и немецких пистолетов...»

«Да зачем тебе это нужно, если не секрет?»

«Не секрет. Раз я появлюсь в солдатской гимнастерке, значит, и разговор должен быть соответствующий. Девушки любят, когда говорят о войне, вот я и расскажу им, как служил в разведке. Использую вашу биографию. Договорились?..»

«Договорились, хитрец», – засмеялся я.

Я умылся, причесался, съел кусок черного хлеба, запив его кружкой водопроводной воды, надел тщательно отутюженный костюм и поднялся на четвертый этаж.

«Если девушка – заходи!» – услышал я бойкий голос и дружный девичий смех за дверьми той комнаты, в которую постучался.

Я стоял в растерянности. Может, сбежать, пока не поздно? Но тут дверь приоткрылась и наружу высунулась чья-то растрепанная голова.

«Вам кого?» – вежливо, даже чересчур вежливо спросили меня.

«Кого?» Я мгновенно вспотел, вдруг сообразив, что, занятый поисками, не догадался узнать имя той девушки, которая погладила меня по щеке. Я промычал что-то невнятное, чувствуя, как горит мое лицо.

Девушка прыснула со смеху, глядя на меня, и я повернулся, чтобы уйти. Погиб, опозорился навеки рядовой Ескендир!..

«Стойте! – крикнула мне вслед девушка. – Она сейчас выйдет...»

«Да кто “она”, если я даже не знаю ее имени», – с тоской подумал я, глядя на дверь.

«Айша, выходи, там тебя какой-то долговязый ждет. Такой пижон – от его костюма утюгом так и пышет, так и пышет. Ну и кавалер явился к тебе на этот раз...» – услышал я бойкую скороговорку своей недавней собеседницы.

«На этот раз!.. Значит, не я один прихожу к этой красивой девушке, которую зовут Айша?.. Ничего у меня с ней не получится...» – совсем расстроился я.

Ноги не слушались. Бывают такие моменты в жизни, когда ноги и сознание действуют вразнобой. Вреда от этого больше, чем пользы. Это – закон, но иногда бывают исключения... «Как на языке юриспруденции называются исключения?..» – нелепо замесляло у меня в голове, и тут открылась дверь. В коридор вышла та самая девушка. Она, по-видимому, только что встала, умылась, две длинные косы были тщательно заплетены, лицо дышало свежестью, юной чистотой. Она молча глядела на меня.

«Здравствуйте», – сказал я.

«Здравствуйте», – отозвалась она, продолжая разглядывать меня так пристально, что я невольно смутился под ее взглядом.

«Вот уж не ожидала этого от вас, – вдруг сказала девушка. – Вы мне казались совсем другим. Немедленно верните чужую одежду».

Она круто повернулась и ушла в комнату. Но, уходя, краешком глаза всё же посмотрела на меня.

Я вприпрыжку побежал на первый этаж и ворвался в комнату моего «спасителя».

«Где он?» – спросил я ребят, живущих вместе с ним.

«Кто?» – удивились ребята.

«Он. Хозяин вот этого...» – Я потряс пиджаком.

«Набрал, у кого смог, орденов, медалей и двинул к девушкам. Теперь его долго не будет...»

Я молча направился в свою комнату и лег на кровать. Ребята как в воду глядели. «Солдат на воскресенье» заявился лишь на третий день. Он подошел к кровати, на которой я лежал всё это время, не смея показаться на глаза Айше в чужом костюме, лежал, пропуская занятия, чего я никогда в жизни не делал.

«Ага, я виноват перед вами», – жалобно сказал «солдат».

«Что еще с тобой случилось?»

«Мне собака вашу штанину разорвала...»

Я засмеялся. Чем-то он развеселил меня, и от моей недавней мрачности не осталось и следа.

«Нога-то хоть цела?»

«При чем здесь нога? Мне перед вами неудобно...»

«Ладно, всякое может случиться с мужчиной... Не унывай...»

Мы поменялись одеждой.

«Пригодился мой костюм, ага?» – спросил парень.

«Пригодился... Еще как!» – хмыкнул я.

«И ваша одежда мне хорошую службу сослужила, – возбужденно заговорил он. – Только вот я название английского пистолета забыл... “Томсон”, не “томсон” – всё из головы вылетело...»

«Тебя самого-то как зовут? Не забыл?» – спросил я.

«Не забыл. Меня зовут... – Он засмеялся. – Меня зовут Колхозжан. Вот дали мне родители имя, да?»

«Прекрасное имя, Колхозжан, а сокращенно Жан. Понял меня?»

«Понял. Вот спасибо, ага! Какое имя придумали! До гроба вам обязан буду, честное слово! Со стипендии вам причитается, а то как назовусь Колхозжаном – смеются...»

«Значит, ты все-таки опозорился перед своими девчатами?»

«Нет, всё гладко прошло. Я им стал рассказывать про войну, а одна из девушек вырвала у меня ваш листок и стала кричать, что это шпаргалка. Но я не растерялся, я ей сказал, ты с этим не шути, сестренка. Это список оружия, которое я недавно сдал в военкомат... Они все чуть со стульев не попадали от испуга...»

«И ты думаешь, они тебе поверили?»

«Поверили. А может, и нет. Мне-то какая разница, если я с ними уже познакомился?..»

Я расхохотался, глядя на бойкого парня. А он, прощаясь, сказал мне таинственным шепотом:

«Ага, если вам снова будет нужен костюм, намекайте. А ваша одежда счастливая, ей-богу. Удачу, удачу она несет... Вы, наверное, будете в жизни счастливым человеком. ...»

...Счастливый человек. Он сидел рядом с женой и молчал, держа ее руку в своей. Айша, та прежняя, красивая, гордая девушка, превратилась в болезненную отчаявшуюся женщину, и он никак не мог подобрать нужных слов, чтобы успокоить ее.

«Ты же всегда была храброй», – сказал он наконец.

Она заплакала, прижавшись к нему.

«Увези меня отсюда, заberi из этой проклятой больницы. Я всё равно умру... Все равно...»

«Не умрешь. Мы не отдадим тебя смерти».

«Невозможно спасти человека, который потерял надежду. Теперь ты понимаешь?»

«Вино успокаивает только на короткое время, потом наступает похмелье», – сказал он.

«А я ни на секунду не забываю о смерти! – выкрикнула Айша. – Смерть крадется за мной по пятам! Смерть сидит во мне!..»

Она застучала по впалой груди костлявыми пальцами, и Ескендир слышал этот невыносимый звук.

«Не теряй надежды. Ты должна лечиться. Тебе необходимо вылечиться, ведь жизнь, настоящая жизнь только начинается для нас. Дети подросли, скоро совсем станут взрослыми. Разве ты не хочешь видеть это?» – Он всё еще не отпускал ее руки.

«Есть люди, которые достойно встречают несчастье. Это – сильные люди. Других горе подминает под себя. Я всего лишь слабая женщина», – сказала Айша.

«Ты считаешь себя слабой. На самом деле это не так...»

«Дело даже не в том, сильный человек или слабый, – перебила его Айша. – Дело в другом. Чтобы преодолеть горе, нужно достоинство, но смерть заглядывает тебе в глаза, и ты теряешь всё свое достоинство...»

Он хотел возразить ей, но на него в этот момент опять напала немота, и он опять не смог найти нужных слов, чтобы переубедить ее, вселить в ее душу хотя бы слабую надежду. Ведь Айша один на один боролась со смертью и знала о ней гораздо больше, чем он.

И теперь, глядя в темное небо, Ескендир снова и снова вспоминал ее слова:

«...Чтобы преодолеть горе, нужно достоинство... Но смерть заглядывает тебе в глаза, и ты теряешь все свое достоинство...»

Зажег спичку, чтобы прикурить, и его сомкнутые ладони осветились. Он как бы воочию увидел заплаканное, блеклое лицо Айши и, прислонившись к стенке, со стоном выдохнул дымок в ночное небо.

Мать, тогда она еще была жива, как и Айша была жива, как жив был его зять Омар, мать окликнула его из комнаты:

«Сынок, тебе не спится, может, чайку попьем?»

«Да-да», – кивал он, не трогаясь с места и снова глядя в небо, как будто именно оттуда он ждал ответа на вопросы, которые задала ему сегодня Айша и о которых он раньше никогда не задумывался. Но небо было безмолвно. Луну заслонили плотные тучи. И улицы были темны.

«Извелся ты, мой жеребенок! – Мать провела теплой ладонью по его спине. – Видишь, как беспощадна судьба. Дрогнула Айша, а ей надо быть сильной, чтобы выжить».

...Но смерть заглядывает тебе в глаза...

«И ты мужайся. Я молю Аллаха, чтобы она выжила, но я прошу его и о том, чтобы твой мужской ум был трезв и всесилен».

Да, он всё помнит. В то утро, после бессонной ночи, он сказал матери за чаем:

«Айша просила вас приехать. Просила, чтоб я ни в коем случае не привозил детей».

«Но ведь Баян к ней собиралась на неделе...»

«Объясните ей, что сейчас не нужно. Вы это сумеете. Объясните так, чтоб она не обиделась...»

«Я-то поговорю. Ну, а ты – сказал ты Айше всё, что хотел?» – Мать цепко посмотрела на сына.

«Да...» – утрюмо отозвался он.

«Вижу по тебе, что плохо сказал. Ты мужчина, ты должен ей твердо сказать, жестко. Ведь это уже не прежняя Айша, мудрая и сильная, а другая Айша, и твой долг, чтоб она стала такой, как раньше. Ты должен помочь ей обрести надежду».

«Это бесполезно. Я не смог ее переубедить», – признался он.

«Худо дело. Значит, она действительно стоит на пороге смерти, – вздохнула мать. – Что ж, попытаюсь теперь я с ней поговорить. Я ведь старуха, тоже одной ногой в могиле. Может, она моим словам поверит?..»

...Да, он помнит. Он всё помнит. И ведь именно сегодня утром вдруг появился, как из небытия, его старый знакомец Колхозжан.

«Папа, вас к телефону. Междугородная», – позвал его заспанный Абылай, который лишь поздней ночью вчера возвратился из стройотряда.

«Привет, Ескендир. Это Жан звонит. Как твои успехи? Тыщу лет тебя не видел. Как дети? Живы-здоровы?..»

«Спасибо. Всё нормально, – сдержанно отозвался Ескендир. – А как ты?»

«Чудесно! Можешь поздравить меня с повышением. Я теперь по линии юстиции почти что, считай, генерал!.. А к тебе у меня есть претензии – ты столько раз был в Алма-Ате и ни разу не удосужился ко мне зайти.. Придется мне, как твоему начальству, пусть даже и косвенному, поставить вопрос о твоей дисциплине, Ереке», – засмеялся Колхозжан.

«Зашел бы, да ты не очень-то меня приглашаешь», – ответил Ескендир.

«А ты всё такой же, все правду-матку режешь, а? Узнаю тебя, в этом ты весь... – неизвестно отчего веселился его университетский приятель. – Всё меняется, лишь человеческий характер не меняется... И кстати – друзья юности заходят ко мне без приглашения. Интеллигентность похвальна, но и наши традиции забывать не стоит. Ты ведь до сих пор для меня – ага...»

«Я помню, ты и раньше всегда долго топтался, прежде чем заговорить о каком-нибудь своем деле...»

Колхозжан опять засмеялся.

«Ты прав. Дело есть. И этому делу, – подчеркнул он, – требуется твоя помощь. Понимаешь, случилось так, что один из моих двоюродных братьев, я тебе рассказывал о нем, он живет в вашем городе, находится под следствием».

«Что он натворил, твой брат?»

«Да ничего он не натворил, ничего серьезного. У них там небольшая трата. Он свою долю внес, вернул, как говорится, деньги государству... Правда, там еще какие-то люди... группа, как говорится, но мой брат ни при чем, и теперь слово за тобой. Подсоби, Ескендир Калиевич...»

«Посмотрим. Мне нужно изучить все обстоятельства», – как всегда серьезно ответил Ескендир.

«Что? И это ты мне отвечаешь? Твоему старому другу? Ты, Ескендир, председатель суда такого огромного города?»

«Посмотрим... – снова сказал Ескендир. – Не обижайся, но это мой долг».

«Ну, смотри, смотри, – протянул Колхозжан. – Но только помни, что мы – старые друзья. А испытанных друзей в беде не оставляют, не то, как говорили в старину, Аллах покарает... Знакомься с делом, я на днях позвоню. А на меня можешь положиться. Я уже разговаривал с Жумановым, он наш человек. Буду у вас в области, обязательно вас сведу. Поговорим, отдохнем... Свои люди, понимаешь, вместе должны держаться, как пальцы в кулаке. Согласен? Ну, до свидания, до свидания, Ереке...»

Ескендир положил трубку, но в его ушах еще долго звучал вкрадчивый голос старого приятеля.

«Вот так Жан, – подумал он. – Колхозжан... Жан... “Наши люди”... Видишь, как всё позапутала эта жизнь...»

...Постояв еще немного на балконе, прислушался. Баян заснула, и он, осторожно ступая, вернулся в свою комнату, только сейчас заметив, что по-прежнему держит под мышкой томик Хемингуэя.

Сел на кровать. Головная боль прекратилась, но сердце всё еще покалывало и на душе было мутно. «Дождь, что ли, собирается?» – подумал.

Вот и вспомнилось ему всё, что было тогда. Может, если бы не пила Айша, она до сих пор была бы жива?.. Нет, она умерла не от алкоголя. Она слишком рано потеряла веру в себя, и ничто не могло остановить ее на пути к смерти, ибо она с самого начала не верила в свое исцеление. Почему это случилось? Почему она ни на секунду не могла забыть о смерти? Слабость? Ну а что, если люди, которые быстро забывают свои горести, не сильные, а просто равнодушные люди?

«Дело не в том, сильный человек или слабый...» – говорила Айша. Многое он забыл, но эти ее слова в тот день, когда она впервые откровенно заговорила о смерти, запомнит навсегда. Смерть заглядывает тебе в глаза, и ты теряешь всё свое достоинство... На другой день мать поехала к Айше и долго говорила с ней. И похоже, что переубедила ее. Айша перестала пить. Писала Абылаю и Баян, приглашала их к себе, и они с ней часто виделись. Лицо ее посвежело, она пополнела, щеки стали розовыми. Потом ее выписали, и они даже успели немного прожить в довольстве, мире и покое, пока она окончательно не слегла.

7

Закончив дела в местном отделении Художественного фонда, Кайрат спешил в гостиницу, тем более что после вчерашних посиделок у него весь день отчаянно трещала голова, мутило после вчерашних приключений и хотелось одного – лечь в чистую постель, выпив пару бутылок пива.

Но ему нужно было получить деньги за две свои картины, принятые наконец худсоветом, и он зашел в бухгалтерию.

Девушки из бухгалтерии засмотрелись на приезжего алма-атинского художника, видного, модно одетого парня в туфлях на платформе, джинсах, кожаной куртке, но потом, как бы спохватившись, уткнулись в свои электрон-

но-счетные машинки. «Похоже, вычисляют стоимость моих фирменных шмоток», – ехидно подумал Кайрат, который всё еще никак не мог прийти в себя.

– Здравствуйте, мне нужно получить деньги, – кашлянув, сказал он.

– Кассирша сейчас возвратится. Подождите немного, – отозвалась одна из девушек, сидевшая в углу. Кайрат невольно загляделся на ее красоту, поняв, что девушка, конечно же, прекрасно о своей красоте осведомлена.

– Мне нужно заполнить какие-то бумаги?

– Нет, вся документация готова. Счет у кассира.

Кайрат сел на стул и вытер со лба пот.

– Можно позвонить? – спросил он.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Он набрал номер дежурной по этажу.

– Простите, я живу в четыреста десятом номере. Мне телеграммы не было?

– Не было, – ответила дежурная и, помедлив, спросила: – Когда будете платить за номер?

– После обеда. Я договорился с администратором. И кроме того, просил, чтоб меня с сегодняшнего дня перевели в люкс.

– Готовят вам люкс, – неопределенно сказала женщина и положила трубку.

Мнительному Кайрату показалось, что он уловил в ее голосе следующее: «За однокомнатный номер который день заплатить не можешь, а туда же – люкс тебе подавай...»

– Ваша третья картина здесь, – сказала красивая девушка. – Художники ждали вас, но не дождались и ушли.

Он потерял руки. Сейчас его совершенно не интересовала эта «третья картина».

– Хотите, я подарю ее вам? Пусть висит в вашей бухгалтерии, – неожиданно предложил он. Девушки засмеялись.

– Я серьезно. Где тут у вас молоток, гвозди? Сейчас я сам ее и повешу, – привстал Кайрат, но тут зазвонил телефон, и красивая девушка подняла трубку.

– Саша, это ты? – спросила она. – Хорошо... Спасибо... Угадал. У таких женщин, как я, – ревнивые мужья...

Она засмеялась, показывая белые ровные зубы.

«Да, ты действительно рождена для того, чтоб тебя любили, ревновали и всю жизнь убивались по тебе, чертовка! И твой мужчина должен ревновать тебя, иначе он не мужчина», – невольно подумал Кайрат.

– Ты же только вчера получил зарплату?... – удивилась девушка. – Если ты ее прогулял, то проси в долг у тех, кто помог тебе это сделать... Если станешь тратить деньги в таком темпе, всю жизнь будешь ходить с протянутой рукой... Ха-ха-ха, что ты говоришь? Гений и деньги – вещи несовместимые? А гений и ум – совместимые? К чему? А к тому, что гении не пропивают свой ум, как это делаешь ты... Ну, ладно, вот уж и обиделся сразу, глядите, какой нежный!.. Сделаем, всё сделаем... Пожалуйста... Гость? Он здесь сидит... Сейчас... – Девушка протянула Кайрату трубку. – Это Саша, – сказала она.

– Я понял, – сказал Кайрат. – И я как раз один из тех, кто помог ему вчера прогулять получку.

– Да знаем, знаем, – засмеялись девушки. – Полгорода уже об этом знает. Наш Саша всегда говорит: «У меня от народа секретов нет». Он у нас такой, рта не успеет раскрыть, а уже всё всем известно...

– Привет, старик! Ты живой? – загремел в трубке голос Саши.

– Сомневаюсь, – ответил он Саше.

– Сомневаешься – значит, живой! Ну и молодец! Поедем сегодня на Бухтарму. Машина есть, сейчас и Нурлан подойдет...

– Извини, но я не могу. У меня завтра встреча с одним человеком...

– Бери с собой этого человека. Это кто, женщина?

– Неважно, – ответил Кайрат. – Слушай, я сейчас иду в гостиницу и хотел бы дать тебе денег.

– Что мы вчера истратили, это мое дело, – сказал Саша, и в голосе его слышалась искренняя обида.

– Тогда я хочу дать тебе в долг, – сказал Кайрат.

– У гостей в долг не берем, – сказал Саша. – Извини, что я напоминаю об этом тебе, казаху, но это неписанный закон Казахстана. А в гостиницу мы сейчас к тебе приедем. Я дожусь Нурлана, и мы приедем. Салют, до встречи, старик!..

– Хоп! До встречи! – повторил Кайрат и положил трубку. Пришла кассирша.

– Деньги только трешками. Крупных у меня нет, – предупредила она.

– Ничего, лишь бы не фальшивые были, – сострил Кайрат, запихивая деньги в карманы джинсов и куртки.

– Не надо вам сейчас всё брать, – сказала красивая девушка. – Хотите, мы часть суммы отправим на ваш домашний адрес?

«Домашний адрес! Вот так штука! Адрес есть, а дома нет!» – мельком подумал Кайрат и, отчего-то почувствовав неловкость, с благодарностью посмотрел на девушку.

– Спасибо, но я всё возьму. А вы все, – обратился он к девушкам, – если будете в Алма-Ате, звоните мне, не стесняйтесь... Погуляем, я вам город покажу...

– Спасибо, – хором ответили девушки. – Вы – друг Саши и Нурлана, а мы их любим. Так что и вас без внимания не оставим. Ждите, адрес ваш у нас есть.

– Жду. Серьезно, жду, – улыбаясь, сказал Кайрат.

Поднявшись на свой этаж, он спросил дежурную:

– Телеграммы не было?..

– Нет, – сказала дежурная. – А в люкс вас уже перевели. Вот ключи...

– Спасибо, – сказал он.

Перенес вещи, разделся, походил по просторным комнатам нового номера.

«Она не придет, – вдруг подумал он. – Да, она не придет...»

Не найдя пепельницы, вышел покурить на балкон, было жарко, и его вновь замутило. Отшвырнув сигарету, вернулся в комнату, зашел в ванную, долго стоял под холодным душем.

«А если даже и придет, ничего у нас не получится... Лучше позвонить красотке из бухгалтерии и пригласить ее на Бухтарму. Вот интересно, согласится она или нет?.. Да что же это такое, – вдруг рассердился он. – Тоскую о Баян, жду встречи, а сам в это время думаю о другой девушке... Что же это за любовь? И любовь ли это?..»

«И все-таки бухгалтерша хорошая девушка, – подумал он. – Предложила деньги выслать, а это не всякая сделает: насколько бухгалтеры знают нас, художников, настолько и мы их знаем... Может, позвонить ей? Баян наверняка не придет. Если бы ехала, давно бы телеграмму дала...»

Лег в кровать и почувствовал приятную прохладу свежих простыней. «Пива забыл кушать», – мелькнуло у него, но вставать и одеваться не хотелось. И тут же услышал:

– Старик! Ты теперь здесь живешь? Прямо царские хоромы!

Саша, толкнув незапертую дверь, зашел в номер и удивленно озирался по сторонам.

– Кайрат Маусымбаев, встать! У вас в гостях великие художники современности! – Следом за Сашей в комнату ворвался Нурлан, с которым Кайрат

учился в Москве и крепко дружил, хотя тот поступил в институт тремя годами позже его.

– Величие этих художников измеряется тем, что у них имеется в этой сумке... – Кайрат, посмеиваясь, указал на тяжелую сумку, которую нес Нурлан.

– Понятно! – Нурлан достал из сумки бутылки с пивом, закуску.

Кайрат поднялся.

– Ну как, едем на Бухтарму? – спросил Саша, поглаживая свою окладистую бороду и хитро посматривая на Кайрата. – Кто приезжает в наш город, обязательно должен побывать на Бухтарме. Покажем тебе славных девушек, искупаемся. Если не был на Бухтарме, считай, что и в Усть-Каменогорске не был.

– Заманчивое предложение, надо подумать, – сказал Кайрат.

– Подумай-подумай, а пока давай угощайся...

– Спасибо...

– Мы тебе не алма-атинские художники, – сказал Саша. – Здесь они с нами гуляют, а в Алма-Ате нас знать не хотят...

– По сравнению с Москвой Алма-Ата тоже провинция. – Нурлан вдруг принялся защищать честь своего Усть-Каменогорска.

– Алма-Ата – провинция без провинциалов, – сказал Кайрат.

– Ну как, едешь или нет? – снова спросил Саша.

– Нет, спасибо. У меня завтра встреча. И я жду телеграмму.

– Что, в академию тебя выбирают? – съязвил Нурлан.

– Нет, хотели было, да испугались, как бы ты от зависти не повесился, – отпарировал Кайрат.

– Сдаюсь! – Нурлан поднял руки. – И все-таки поехали, там у Саши большая мастерская.

– Прямо на берегу, – сказал Саша. – Дом для друзей.

– Нет, как-нибудь в другой раз, уж вы не обижайтесь. От этой телеграммы, может быть, вся моя судьба зависит...

– Ну, раз такое дело, не будем тебе мешать.

– Не спешите, может, пообедаем вместе?

– Спасибо, – сказал Саша. – Нам пора. Марина уж, наверное, стол накрыла...

– Между прочим, это она сделала для тебя, – сказал Нурлан. – Была уверена, что ты наведишь нас...

– Не сердись, Саша. Передавай Марине, детям привет, но я никак не могу. Кайрат обратился к Нурлану:

– Слушай, Нурлан, возьми у меня немного денег.

– Мне не нужны деньги, – отвернулся Нурлан.

– В долг возьми. В долг! Вернешь, когда будут. – Кайрат почти насильно впихнул ему в карман пачку трехрублевки.

– Халтурить не хочет, вот и сосет лапу, – ворчливо сказал Саша. – А как без халтуры проживешь?

– Я всё знаю. И считаю, что Нурлану нужно переезжать в Алма-Ату.

– Нечего мне там делать, – запальчиво возразил Нурлан. – Я хочу жить на родине. Я еще покажу твоим алмаатинцам, как нужно работать!

– Ладно, не горячись! – Саша похлопал его по плечу, и они, распрощавшись с Кайратом, ушли.

А Кайрат лег на постель. Несколько минут подремал и вдруг очнулся, несмотря на усталость. Острое чувство тревоги внезапно охватило его, и он подумал:

«Имея ясные мысли и здравый рассудок, тоже можно стать живым трупом. Сердце делает в минуту шестьдесят шесть ударов, кровь ровно течет по

жилам, но вся работа твоего организма не зависит от разума, твое тело существует отдельно от твоего разума. Ты жив, у тебя здоровое тело, ясные мысли, четкое сознание, но ты уже не видишь той цели, которая была предначертана тебе еще до рождения. Ты понимаешь это, но не находишь в себе мужества и силы, чтобы действовать. И сам же мучаешься этим... вот почему ты не любишь никого и в твоей душе поднимается темный лес зависти. Ты забываешь свои же слова: "Где нет души, там нет искусства", но как ты собираешься жить дальше, если у тебя такая короткая память? Как распорядишься ты тем даром, который получил от природы? Ты не находишь себе места, ты всё меняешь на водку: свой труд, здоровье, мечты, и неукротимый дух твоей души скоро тоже будет пропитан водкой. Ты что-то чувствуешь, но ведь ценно лишь то чувство, которое готово жертвовать собой ради общей цели и общего дела. Ты можешь быть лучше одних и хуже других, но никогда не смей терять скромности, ибо высший аристократизм духа – это скромность...»

Кайрат закурил, глядя в белый потолок, сигарета показалась ему невкусной. Нужно было спуститься в ресторан, нужно было действовать, нужно было жить, но для этого не было ни сил, ни желания.

«Приедет или не приедет?» – думал снова и снова. Вспомнил, как шли они тогда после премьеры к Даулету. Он, Баян, Майра, Оскен. И свой страх потревожить девушку неловким словом или жестом. Как хотел взять ее под руку, а она сказала: «Не надо». Как по дороге к ним присоединился скульптор Султан. Был ли тогда с ними поэт Керим? Нет вроде бы. Он появился у Кайрата лишь на следующий день. Да, его точно не было. Они стояли на площадке, и Даулет долго ковырялся ключом в двери...

Даулет наконец открыл дверь квартиры.

«Прошу».

«А где твои цари-короли?» – буркнул Султан, имея в виду родителей Даулета.

«Отдыхают в Крыму», – ответил Даулет, прекрасно понимая, о чем спрашивает Султан, и ничуть на него не обиделся, потому что все мы давно изучили характер нашего друга.

Нелюдимый и колючий, язвительный и тощий, длинный как жердь, Султан частенько говорил людям неприятные вещи. Иногда, громя «врагов искусства», он впадал в подлинную «творческую» ярость, сметающую всё и вся на своем пути, но потом быстро остывал и становился, в сущности, добрейшим малым.

«Располагайтесь. Я сейчас что-нибудь приготовлю».

«Разрешите, мы с Баян вам поможем?» – сказала Майра.

«Спасибо. Идемте. Я покажу, что там у меня есть...»

Даулет повел девушек на кухню.

«По-моему, в этом доме где-то была хорошая музыка... – Султан огляделся. – А, вот она!..» – Он включил проигрыватель, поставил пластинку и вышел в прихожую позвонить.

«Садись, не бойся», – сказал я Оскену, робко озирающемуся по сторонам, по-видимому, впервые попав в такую богатую квартиру.

«Живут же люди, да?» – улыбнулся он мне.

Я кивнул. Когда я впервые оказался здесь, был также растерян, но Даулет и его родители вели себя так просто и непринужденно, что робость моя быстро развеялась.

А было это тогда, когда мы только что закончили первый курс и приехали в Алма-Ату на каникулы. Мы спускались по трапу, к самолету подкатила черная «Волга». Я, помнится, решил тогда, что с нами в самолете летело какое-ни-

будь важное начальство... Но из машины вышел высокий сидящий мужчина и направился к нам.

Даулет тихонько толкнул меня в спину.

«Это мой отец», – сказал он, и я понял, что он сам смущен такой торжественной встречей.

Отец расцеловался с сыном и протянул мне руку.

«Значит, ты и есть тот самый Кайрат, друг нашего Даулета?» – сказал он.

Рука у него была сильная, пожатие – крепкое. Чувствовалось, что характер у него волевой, властный.

«В Омске много казахов?» – спросил он, когда мы уже сидели за праздничным столом.

Меня почему-то часто об этом спрашивают...

«Да», – сказал я.

«Вы живете в самом городе?»

«Сейчас начнет расспрашивать, где работает мой отец да откуда родом», – неприязненно подумал я. Мне не нравилась манера некоторых людей запросто выспрашивать обо всем и вся, и я подумал, что если отец Даулета не умерит своего любопытства, то я завтра же под каким-нибудь предлогом улечу в Омск. Но он больше вопросов не задавал.

«Отдыхай, будь как дома», – улыбнулся он.

«И самое главное – не стесняйся», – сказала Майра-апай, мать Даулета. – Бери, ешь всё, что захочешь... Только за полночь не возвращайтесь, а то я волноваться буду». – Последние слова она адресовала сыну.

«Папа, а когда мы поедем на Иссык-Куль?» – спросил Даулет.

«На следующей неделе. Но вы поедете с мамой. Я выступаю на симпозиуме и должен хорошенько подготовиться...»

«А кто его отец, если не секрет?» – спросил Оскен.

«Академик. Простой академик», – засмеялся я.

«Тогда понятно...» – Оскен понемногу приходил в себя.

«Кайрат, помоги...» – сказал Даулет, раздвигая большой стол.

Я открыл холодильник и увидел тарелки с мясом, рыбой. Всё это было аккуратно нарезано, украшено зеленью, ломтиками лимона...

«Неужели это твоя работа? Вот уж не ожидал от тебя таких талантов!» – удивился я.

«Нет, это Дана приготовила», – сказал Даулет.

«А где она? Почему ее нет? Вы что, поссорились?»

«У нее сегодня брат защищается. Она попозже придет».

Мы с Майрой накрывали на стол.

Баян стояла, прислонившись к дверному косяку.

«Помочь?» – спросила она.

«Всё готово. Ты бы лучше что-нибудь сыграла нам», – сказала Майра.

Баян подошла к роялю, стоявшему в углу комнаты, тронула клавиши.

«Замечательный у вас инструмент», – сказала она.

«Мама играет. А мне, к сожалению, медведь на ухо наступил», – улыбнулся Даулет. – Но музыку я люблю. Действительно, сыграйте что-нибудь...»

«А что?»

«Ну, хотя бы “К Элизе” Бетховена...»

Баян села за рояль и заиграла. Я стоял поодаль. Она раздумянулась, глаза ее увлажнились...

«Видите, сколько талантов у нашей Баян», – громко сказал Оскен.

«Тс-с...» – Даулет приложил палец к губам.

...Разошлись на рассвете. Она наконец-то позволила мне взять себя под руку и высвободила ее лишь у самых дверей общежития.

«Прекрасный был вечер. Спасибо вам». – Она подняла глаза, поправила прическу. Боже мой, как хороша она была в эту минуту!

«И вам спасибо, что бы мы без вас сегодня делали?»

«Хорошо, до свидания, – перебила меня Баян. – Я живу в четыреста шестидесятой комнате».

«Позвоните мне?» – спросил я.

Она исподлобья глянула на меня и не ответила.

Подошли Майра, Оскен, и мы расстались.

Я подошел к дому, толкнул калитку. В глубине двора темнели крошечные окна моего флигеля, который я снимал у многодетной семьи шофера. Собственно, это был не флигель, а обыкновенный глинобитный сарай, который слегка оборудовали, чтобы сдавать квартирантам. Мне нравилось мое одинокое холостяцкое жилище, но отчего-то именно сейчас мне расхотелось забираться в эту нору, пустую, неуютную. Я вновь зашагал по тихим рассветным улочкам Алма-Аты, и мне стало совсем грустно. Казалось, я должен был чувствовать радость, счастье от встречи с Баян, но меня одолевала тоска, ибо мне вновь захотелось увидеть ее, молча постоять рядом, не смея коснуться ее руки, но всё же ощущая ее дыхание. Через некоторое время вновь оказался у дверей общежития, но двери были закрыты, окна зашторены.

По улице Космонавтов я вышел к Никольскому рынку. Возле запертых ворот, дожидаясь, когда сторож откроет их, галдели торговцы фруктами. Я постоял, послушал их веселую перебранку и, разыскав будку телефона-автомата, позвонил Даулету, он не ответил, и я сообразил, что Даулет после нашего ухода, по-видимому, отключил телефон, чтобы хорошенько выспаться.

Вдруг на пустынной улице мелькнул зеленый огонек такси. Я заторопился, остановил машину и попросил отвезти меня на Медео.

«Ты что, там работаешь?» – спросил таксист.

Я вяло кивнул ему и отвернулся, избегая беседы. Не хотелось сейчас разговаривать. Сегодня я не вписывался в этот город, душа моя жаждала одиночества, ибо только в одиночестве я мог сохранить чудное ночное видение, прекрасную девушку Баян.

Первые лучи солнца коснулись снежной вершины Алатау. Я отпустил такси, пошел пешком, и чем выше поднимался, чем свежее становился горный воздух, тем легче было мне дышать, тем спокойнее становилось на душе.

Бросив куртку, лег на зеленую траву и заснул как убитый.

Проснулся от редких дождевых капель. По небу двигались густые черные тучи. «Сейчас хлынет ливень, – подумал я. – Или пойдет снег вместо дождя. Или в одну секунду вырастут гигантские тропические цветы и папоротники – ведь сегодня не только я, но и природа должна совершить что-то необычное...»

И хлынул ливень. Я спускался с гор под теплым алма-атинским дождем, ощущая в душе радостную грусть.

«Мне понравился дом вашего друга», – сказала Баян, когда мы стояли на балконе.

«Вы прекрасно играете», – сказал я.

Когда моя рука коснулась ее плеча, она слегка отстранилась, я смутился.

«Когда-то я училась в музыкальной школе, но теперь совсем забросила музыку», – продолжала она, желая сгладить возникшую неловкость.

Баян улыбнулась, и я вдруг понял то, что со мной происходит. Понял это и испугался своего нового чувства, но ощущение покоя и счастья не покидало меня.

«Прохладно, пойду в комнату», – сказала она, открывая балконную дверь, я молча кивнул.

На балкон вышел Султан.

«Я тебя ищу, а ты вон где спрятался. Дай закурить, – он глянул “понимающим взглядом”. – Дана пришла, – продолжил он. – Не знаешь, на какую тему защитился ее брат?»

«Не знаю и знать не хочу. Что мне до всех этих, как они там... лазеров? Предлагаю: за искусство».

«Пardon, уточняю – за рабов искусства!» – с нажимом сказал он, и я заметил, что мой друг приближается к тому воинственному состоянию, когда он и спорит больше всех, и знает больше всех. В такие минуты, рубя «правду-матку», он готов очернить весь белый свет, а ведь когда трезв, нет человека деликатнее и тише Султана.

«Неделю назад умер Ерболсынов, – возбужденно продолжил он. – Я тебе скажу – у казахов нет и не будет скульптора лучше. Запомни мои слова! Ерболсынов – сам монумент, сам глыба...»

«Привет, ребята!» – На балкон выглянул Даулет, и разгоряченный Султан втащил его за руку.

«Ты тоже не знаешь, кто такой Ерболсынов? Да? Ведь не знаешь? Ничего вы не знаете, никогда вы не видели настоящих людей!»

«А разве ты не настоящий?» – серьезно спросил Даулет.

«Мне никогда не достичь высот Ерболсынова. И всем нам тоже. Запомните это, говорю я вам...»

«А где можно посмотреть его работы?» – спросил я.

«Нигде. Он их перед смертью уничтожил».

«Почему?» – удивился я.

«Это ты у него спросишь, когда вы встретитесь на небесах. – Султан помолчал, глядя на опустевшую улицу. – У него не было ни одной законченной работы. Он прожил свою жизнь, помогая другим, но на всех памятниках Казахстана есть след его рук, ума, души... Нам никогда не стать такими, никогда... Люди не думают о будущем, они довольствуются сегодняшней сытостью, мнимым благополучием, все свои силы тратят на то, чтобы достичь власти, думая, что если в твоих руках нет власти, ты никто... Не понимают, дураки, что человек приходит в эту жизнь плача, а уходит – рыдая...»

Мне было тяжело слышать эти отчаянные слова, я не был согласен с Султаном: я верил в свои силы, в свои руки, сердце, ум и знал, что Даулет думает примерно так же, как и я.

Султан, выплеснув на нас свои злые и горькие думы, вдруг замолк, стих, успокоился, опершись на перила балкона. Даулет подмигнул мне и тихонько ушел. Я было последовал за ним, но Султан остановил меня:

«Прошу тебя, не морочь голову этой девчонке. Ведь она совсем еще ребенок. Не забывай, что у тебя есть Катира».

Он сурово посмотрел на меня и неуверенными шагами направился в комнату.

Я остался на балконе один. Из комнаты доносились звуки музыки, голоса моих друзей, смех девушек.

«Не забывай, что у тебя есть Катира».

Как я мог забыть ее? Разве может мужчина забыть о своей избраннице, если он женился на ней всего лишь месяц назад? Я каждую секунду помнил Катиру, и мне казалось, что я сплю, что всё происходящее со мной – сон. Неужели такова моя судьба? Многие годы я был чист, мечтая отдать себя той единственной, которую люблю. И мне казалось, что я достиг вершин блаженства, когда наконец встретил Катиру, но лишь теперь, когда в мою жизнь вошла, нет – ворвалась Баян, я понял, что счастье мое было призрачным. В чем моя вина? Что можно предпринять, если судьба играет человеческой жизнью? Как быть, если истина обернулась ложью и та, о которой я мечтал с

детства, находится не в Москве, где живет сейчас Катира, а здесь, рядом, за стеной, в той комнате?..

«Кайрат... – Баян, отворив дверь, с улыбкой смотрела на меня, и теперь я узнал бы ее голос среди тысячи других голосов. – Я хочу пригласить вас потанцевать...»

Вернувшись домой, я снова заснул и проснулся, когда на дворе уже было темно. Кто-то стучал в мое окошко. Не зажигая огня, я пригляделся и узнал своего приятеля, поэта Керима.

«Ты что, теперь с обеда ложишься?» – спросил он, когда я наконец открыл ему дверь.

«Не ворчи, я только лицо ополосну, – сказал я и, умываясь, пожаловался: – На самом деле, весь день проспал. Да оно и понятно. Сначала бессонная ночь, потом – горы, потом до города пешком топал...»

Керим разглядывал мои новые работы. Он сказал:

«Понравился твой “Аксакал”. Он напоминает мне “Пожилого человека” Рембрандта. Понимаешь, у Рембрандта человечность особенно чувствуется, и сильная воля – тоже. Они как бы слиты воедино, как бы питаются из одного источника. – Он задумался. – В твоих портретах, при всем различии манеры, техники, чувствуется эта слитность, единство лица и души...»

«Полегче насчет Рембрандта, а то я голову могу потерять от таких сравнений», – сказал я, смутившись, ибо он, упомянув имя великого голландца, пожалуй, точно определил цель или, вернее, вектор моих поисков: синтез духовного и плотского.

«Давай лучше чай пить. А у тебя, следует заметить, приличные познания в живописи», – похвалил я его.

«К несчастью, всего лишь приличные, не более. Современных художников я плохо понимаю, а в Рембрандта сразу влюбился, как только увидел первый раз его картины в Эрмитаже, – то ли на третьем, то ли на втором курсе я учился, когда мы на каникулы поехали в Ленинград. Я недавно даже стихи написал, посвященные “Портрету старика в красном” Рембрандта».

«Они вошли в твою новую книгу?»

«Нет, я что-то постеснялся их печатать, недостаточно я все-таки разбираюсь в живописи. В свое время хотел их в журнал отдать, да вы мне тогда с Даулетом помешали».

«Это чем же мы тебе помешали? – Я нарезал колбасы, хлеба и сказал Кериму: – Угощайся и не обессудь. Чем богаты, тем и рады...»

«Прекрасный ужин! А чем, ты думаешь, я дома питаюсь? Устрицами в белом вине? – засмеялся Керим. – А помешал мне напечатать стихи ваш спор. Вы с Даулетом и Султаном говорили о Микеланджело, слушая вас, приуныл, поняв, насколько я “силен в искусстве”...»

«Болтать мы мастера, но на деле всё обычно происходит по-другому. Возможно, ты, поэт, видишь Рембрандта так, как это недоступно нам, художникам. И не робей, смело носи свои стихи в журнал».

«Понимаешь, тут имеется определенная дисгармония, – возразил Керим, держа в руках пиалу с чаем. – У меня получилось стихотворение, а “Старик в красном” Рембрандта – это, на мой взгляд, роман, большой роман о длинной человеческой жизни. Понимаешь меня?»

«Понимаю», – сказал я.

...Керим был пятью годами старше меня и уже несколько лет работал редактором в издательстве. Мы познакомились с ним в Москве, когда пришли с Даулетом на обсуждение творчества молодых поэтов Казахстана, а потом пригласили его к себе в общежитие, где он и другие ребята-казахи до утра читали

нам свои стихи. Мне Керим сразу понравился. Был он спокоен, сдержан, в минуты волнения лишь пощипывал свои тоненькие усики и виновато улыбался. Редко встречаются люди, в которых флегматичность сочетается со склонностью к риску, а он был именно такой, спокойный, выдержанный, но способный в нужный момент постоять и за себя, и за других.

Я помню, что тогда москвичи крепко критиковали наших земляков, и многие из них слушали критику вполуха, всем видом выражая свое несогласие. Двое ребят даже попытались встать и демонстративно уйти: «Не зная оригинала, не зная языка, вы не вправе говорить такие вещи...» Но Керим задержал их, сказал что-то такое, отчего они сразу же успокоились. Когда очередь дошла до него и один маститый поэт, разбирая его поэму, сделал несколько веских замечаний, Керим, ко всеобщему удивлению, воскликнул: «Как точно и, самое главное, вовремя сказано! Спасибо вам, вы совершенно правы, и я буду над этим думать!»

Даулет тихонько толкнул меня и сказал: «Славный парень, по-моему, нам надо подружиться...»

После обсуждения мы подошли к нему, и он согласился пойти с нами. «Только я своего друга с собой возьму. Можно?» – спросил он. Но его друг, длинноволосый, лохматый парень, отнюдь не пришел в восторг от такого предложения. «Ты что, студентов не видел? Чего нам там делать?» – буркнул он и тут же пустился вдогонку за какой-то солидной дамой, переводчицей с казахского.

«Он, оказывается, уже договорился с кем-то», – сказал Керим, возвратившись.

«Ну и пусть катится, нам он тоже не нужен», – взорвался Даулет, и Керим засмеялся.

«Я думал, что только у поэтов скверный характер, оказывается, и художники умеют сердиться», – сказал он.

«Еще как!» – ответил я ему, кивая в сторону взъерошенного Даулета.

Вот так мы и встретились в первый раз, а подружиться гораздо позже, когда окончательно вернулись в Алма-Ату.

«Понимаешь, Рембрандт говорит – люди в этом мире всего лишь гости...»

«Понимаю, – ответил я. – Но мне не хотелось бы в данный момент углубляться в такие философские дебри. Тем более что у меня на сей счет другая точка зрения. Я считаю, что Рембрандт – материалист, возможно даже – атеист... Ладно, отложим наш спор, а то он затянется до утра. Ты лучше скажи, у тебя ко мне есть какое-то дело?»

«А ты спешишь?»

«Обещал Даулету позвонить».

«Ну так идем. Говорить мы можем и на улице. Спасибо тебе за чай».

«У тебя есть двушка?» – спросил я, когда мы подошли к телефону-автомату.

«Держи».

Я позвонил Даулету. Трубку подняла Дана.

«Кайрат, ты где?» – встревоженно спросила она.

«Дома».

«Ты ведь обещал днем позвонить...»

«Я проспал. Меня только сейчас Керим разбудил».

«А Даулет разволновался. Не случилось ли чего с тобой. Он поехал к тебе. Жди его, никуда не уходи».

«Хорошо, – сказал я. – Только интересно, что же это может со мной случиться?»

«Мало ли что. Вы ведь ночью ушли».

«Слушай, Дана, – помолчав, сказал я. – Скажи честно, она тебе понравилась?»

Дана тоже помолчала, и я понял, что ее не удивил мой вопрос. Мало того – она знает, о ком я спрашиваю.

«Да, она мне понравилась».

«Правда?»

«Я всегда говорю правду, только правду, ничего, кроме правды, – засмеялась она. – Ладно, не думай, что я шучу. Я говорю совершенно серьезно. Она мне понравилась. Ступай домой и жди Даулета. А потом приезжайте к нам. Ладно?»

От ее певучего «ладно» мне снова стало легко на душе.

«До встречи. Спасибо, Дана. Ты настоящий друг», – сказал я.

«Сейчас появится Даулет. Поедем с нами?» – сказал я Кериму, когда мы шли назад к моему дому.

«Спасибо, но сегодня никак не могу. Я рукопись взял домой, и мне ее нужно до завтра прочитать».

«И охота тебе читать чужие рукописи?..»

«А семью мне, по-твоему, не надо кормить? У меня же четверо детей. Разве на стихи проживешь? Ни черта не получится».

«А ты об этом не думай. Твори себе как вольная пташка», – подзадорил я его.

«Боюсь, что Меруерт выгонит меня из дому вместе со всем моим творчеством! – засмеялся Керим и вдруг остановился: – А дело у меня к тебе вот какое. Я хочу, чтоб ты оформил мою новую книгу...»

«Ты же знаешь, что я не график, а живописец».

«Знаю, но хочу, чтоб это сделал именно ты. Мне кажется, ты понимаешь мои стихи, а я хочу доказать этой книгой, что я – поэт, и поэт настоящий. Или... или вовсе брошу писать. Короче говоря:

Умчусь от беды, от гроз, от страданий былых.

На высь перевала уйду от несчастий любых.

И слёзы из глаз изливать я потоком не стану. –

Ведь пламя в груди всё равно не угаснет от них²».

В этих строчках он четко изложил свое кредо, свое отношение к творчеству, и в этом он был весь, наш Керим, который считал поэзию святым искусством и относился к ней как к божеству, с трепетом и восторгом.

«Кому и что ты собрался доказывать? – удивился я. – Ты сам знаешь себе цену, и все твои читатели знают, что ты прекрасный поэт...»

«Так мы договорились насчет книги?» – перебил Керим, не слушая моих утешений.

«Поедешь со мной к Даулету, тогда соглашусь», – подсмеивался я над ним, но он сегодня не желал понимать никаких шуток.

«Извини, но я уже сказал. У меня нет времени».

Из-за угла показался жигуленок Даулета.

«Садись, мы тебя хотя бы до дому подбросим», – предложил я.

«Так ты согласен или нет?» – чуть ли не выкрикнул Керим.

«Согласен, согласен», – поднял я руки.

«Завтра я принесу стихи», – сказал он.

Продолжение в № 9, 2026.

² В тексте использованы стихи Мукагали Макадаева в переводе М. Курганцева и Ю. Александрова.